

Галина Болтрамун

Храм

Галина Болтрамун

Храм

«Издательские решения»

Болтрамун Г.

Храм / Г. Болтрамун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837928-4

Философский роман, повествующий о жизни уникального ордена под защитой и покровительством храма, таинственно возникшего в столице могущественной державы.

ISBN 978-5-44-837928-4

© Болтрамун Г.
© Издательские решения

Храм

Галина Болтрамун

© Галина Болтрамун, 2017

ISBN 978-5-4483-7928-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...

Больше всего на свете принц Арри любил сидеть у окошка своей спальни, расположенной в тихой части дворца, и разглядывать возвышавшийся напротив Храм. Такое его занятие не особенно нравилось королю, порой совсем не нравилось, и мальчику не раз приходилось выказывать ожесточенное упорство, чтобы навсегда закрепить за собой эту комнату. Отец дал согласие лишь тогда, когда дело шло к серьезному заболеванию, и теперь Арри мог подолгу беспрепятственно созерцать единственное в своем роде, феноменальное строение. Поистине, ничего подобного этому Храму не возникало под небесами. Нескончаемыми потоками стекались сюда любопытствующие со всех концов земли, чтобы воочию убедиться в существовании объекта, о котором ходили легенды, одна другой диковиннее.

Перед ненасытным вниманием принца простиралась юго-западная сторона восхитительного сооружения с несколькими башнями. Мальчик жадно, с томящей отрадой впитывал переменные облики грандиозной, уникальной твердыни, замирал и грустил, а Храм жил, дышал и обновлялся с каждым порывом ветра, смещением облаков, с изменением контуров теней или углов светопреломления. Его вид зависел от густоты сумерек, от почвенных испарений, количества птиц на шпилях, интенсивности дождя, от цвета одежды прохожих, скорости их шагов, от множества других известных и неизвестных факторов. Никто не мог с точностью определить, из какого материала были возведены его стены; он то загорался тысячами оттенков, преобразовывая их каждую секунду, то умиротворенно высекал матовые блистания на застывшем фоне, то создавал эффект магической панорамы. Вместе с тем, что особенно поражало душу ребенка, он никогда не выглядел пестрым, а всегда – величественным, строгим и недоступным. Суровость и самодовлеющая значимость святыни граничили с неумолимостью, и маленькому принцу становилось порой неуютно.

Старший брат Рей не разделял такого всепоглощающего увлечения Арри Храмом, зато к нему часто приходила сестра, золотоволосая красавица Лия. Отношения между братьями были прохладные, и одной из главных причин была Лия. Оба брата любили ее, и Рею всегда казалось, что сестра уделяет ему гораздо меньше внимания, чем он заслуживает. Внешне жизнерадостная, хорошо воспитанная и умная Лия все больше склонялась к задумчивому младшему брату, и нередко они забывали о времени у окна и молча, будто скованные потаенной энергией, впускали в сердца волны чрезвычайности, исходившие от зыбких, отсвечивавших бессмертием гигантских стен. Рей, ранимый и уязвленный, часто злился на них.

Рей был образцовым принцем. Он с успехом проходил необходимое для его положения обучение, был прекрасным наездником, хорошо владел несколькими видами оружия, искусно танцевал и умел поддержать разговор на любую тему. Король мог гордиться своим наследником по праву, и это его действительно радовало. Но безотчетная родительская любовь, тут ничего не поделаешь, принадлежала младшему сыну, несмотря на то, что при его рождении умерла королева. По уровню одаренности Арри ничем не уступал старшему брату, так утверждали все придворные учителя, король же был уверен, что способности Арри – выдающиеся, если

не исключительные. Но он непредсказуем, его маленький любимец, его трудно развлечь, ко всему он равнодушен и все делает с неохотой. Над ним загадочно властвуют только бесцельные, изысканные и неправдоподобные сияния кометообразного Храма.

Храм... С ним было не все в порядке, точнее, он не вписывался ни в какой порядок... По причине своей неадекватности и свободы и даже без всяких явных причин он вызывал у монарха замешательство, которое иногда перерастало в жгучую досаду. Все владыки мира завидовали ему и считали это лучезарное строение основой мощи и процветания его державы. Что ж, трудно не признать этого, но издали все видится по-другому, а многое не видится вообще...

Храм был сооружен столетие назад за рекордно короткий срок – два года. Четверо иностранных зодчих, пришедшие тогда к королю, прадеду нынешнего правителя, заявили, что способны водрузить на его земле чудо, которого нигде еще не бывало, что это чудо обогатит и несказанно прославит его царство. Денег зодчие просили немного, работников они обязались привезти из своих краев, и король дал согласие. На период строительства создаваемый объект был обнесен высокой стеной, за которую никто не допускался (таков был уговор с монархом), а когда через два года ее снесли, жители столицы в первый момент усомнились в способности своего зрения воспринимать такой феномен, а нервов – переносить его. Подобное невозможно было представить даже в самых изощренных и смелых фантазиях, а этот рукотворный колосс чужедельных мастеров стоял наяву, высекал надмирные смыслы на шпилях и куполах, играл множеством невероятных сюжетов и красок на стенах; завораживая, увлекал в иллюзорные тоннели, аллегорично демонстрировал пульс инобытия. Вдобавок ко всему, Храм создавал вокруг себя собственную атмосферу, как бы отделившись от окружающего воздуха; для него не находилось метафор и эпитетов, он восхищал, ошеломлял и подавлял. Подавлял слишком явным намеком на сверхъестественность: архитектура, пропитанная чудом.

Весть о новоявленном диве быстро и громко разнеслась во все стороны света, и вскоре столицу наводнили паломники всех национальностей и рас. Зодчие, ставшие первыми слушателями святилища, объявили, что оно воздвигнуто в честь Верховного Бога. Насельники многочисленных регионов и областей могучей державы разных Богов почитали как главных и, конечно, захотели выяснить, кому из них посвящен Храм и почему там нет изображения этого Бога, как того требовали обычаи. Ответ всех обескуражил: оказалось, что имеется в виду совсем другой Бог, не угнездившийся в алтарях планеты, что никакого изображения и быть не может, потому что у этого Бога нет облика, более того, у него нет даже имени и Верховным Богом он называется условно. Правивший в то время король испугался смуты: еще одно божество принесли с собой иноземцы, это может при невыгодных обстоятельствах нарушить жизненный уклад и вызвать непредвиденные последствия. Однако все возрастающая слава Храма примирила его с новым безликим кумиром. Кроме того, со всех прибывавших посмотреть на чудесное явление взималась пошлина, и таким образом казна получала солидную мзду, которая с каждым годом увеличивалась. За истекшие сто лет со дня возведения цитадели страна обрела необычайный политический вес, расцвела экономически и выросла территориально, присоединив к себе, не воюя, близлежащие мелкие княжества. Государство продолжало богатеть и набирать мощь, играя на мировой арене главную роль.

Кратковременные гости воспринимали похожую на крепость пламенеющую твердыню даже не как культовый объект, а скорее как диковину непонятного происхождения и назначения. Обитателям столицы было гораздо сложнее, экзотичное святилище и Верховный Бог стали частью их жизни, но отнюдь не органичной частью. Во всех уголках державы не было недостатка в капищах, принадлежавших различным богам, однако эти в большинстве случаев тоже красивые постройки не шли ни в какое сравнение с Храмом Верховного Бога. Зато они были любимы! Там царили знакомые древние божества. У них были имена, каждый занимался своим промыслом: земледелием, охотой, войной; были боги озер и рек, лесов, плодородия,

семьи, правосудия и мщения. Даже такой загадочный бог как бог судьбы и фортуны не выбивался из общего круга. Эти боги подобно людям любили и боролись, поддавались настроениям и воплощали желания, они принимали жертвоприношения, они жаждали, чтобы их почитали и ублажали. Каждому из небожителей излагались надежды и просьбы, обиды и горе, божество можно было задобрить или рассердить. В общем и целом, и господа, и труженики понимали, чего от них ждут бессмертные и что за это причитается взамен. Но что это за Верховный Бог без имени и лица?! Бог, к которому нельзя обратиться! Чужой, неумолимый, чужающийся любого соприкосновения.

Раз в год, весной, в знаменитой обители совершалось, если это можно так обозначить, священнодействие. Посетить Храм в эти дни считали своим долгом многие горожане, хотя для этого не существовало ни писаных, ни неписаных правил, никто к этому не принуждал и даже не призывал. Тем не менее в назначенный срок добровольные людские потоки заполняли все улицы, съезжались паломники из самых отдаленных провинций. Присмирившие и несколько потерявшие миряне слушали публичные выступления адептов неведомой религии, метафизичные, не содержавшие привычных оглашений, возбуждавшие в атмосфере колебания непрояви. Облеченные в летучую форму, ритмично переливались в воздухе волны иносказаний и несказанности, словно ввергая обстановку в неприродный климат. Порой из неактуальных речей хаотично вырывались насущные жгучие смыслы, резко вонзались в головы и тут же исчезали. Иногда, впрочем, находились два или три человека, которые слушали с повышенным вниманием и потом обращались к служителям с целью что-нибудь уточнить или оспорить. Все отдельные случаи и происшествия гармонично вплетались в размеренную, давно устоявшуюся практику.

В такие дни в святилище до позднего вечера дежурило более десятка слуг Верховного Бога, они сменяли друг друга через два часа. Каждые два часа произносилась речь длительностью примерно двадцать минут, после чего служители оставались с народом и явно не регулировали ход дальнейших событий. В какой-либо части Храма их могли вовлечь в беседу, на что они вежливо соглашались. В других местах образовывались группы для спокойных дискуссий или бурного выплеска эмоций, многие в одиночку погружались в состояние эйфории, самозабвенно омывались дуновениями из призрачных стенных провалов. Эпизоды чередовались неспешно и удивительно слаженно, будто повинуюсь сокровенным принципам, потому что Храм излучал в эти дни особое сияние, ауру умиротворения и вместе с тем непреклонной воли. Все чувствовали, что главное заключается не во внешних действиях, и никто не мог определить – в чем же именно, никто не мог уяснить, что влечет сюда его душу и что она здесь обретает.

Как не похожи были исполненные тихой строгости служители и в своих манерах, и в своей риторике на жрецов иных святилищ! Они ничего не обещали от имени своего Бога, не намекали на богоугодность приношений и не давали наставлений. Они произносили скрепленные недоступными идеями притчи и сентенции, и, даже когда смотрели прямо в глаза, создавалось впечатление... нет, не враждебности (они были благожелательны и учтивы), но какой-то недостижимой отстраненности. Их слушали с оцепеневшим вниманием, молча, напитываясь энергией нетипичности, позволив себе ненадолго отвязаться от зудящих забот. Никому из посетителей не приходило в голову обременять просьбами безликого Бога; бедные существа на уровне затушеванных пластов подсознания догадывались, что он никогда не услышит молитв хлопотливой повседневности.

Такой отделенной от тока насущностей твердыней, поражающей неестественным великолепием, в центре столицы могучего царства высился Храм Верховного Бога. Гордый король избегал даже наедине с собой анализировать свое тайное желание, а если бы оно вырвалось наружу, его, несомненно, сочли бы умалишенным. А тайное желание заключалось в том, что он

охотно отказался бы от этой горы из невиданных субстанций, которая многократно умножила его богатства и престиж. Государь умело скрывал ото всех тяжесть на душе: он, сильнейший из владык, угнетен неприступной крепостью из огня и эфира; невесть каким образом возникший чудесный объект не принадлежит ему, как все остальное в империи. Но главное заключалось даже не в этом; Храм отнимал у него самое дорогое, деспотично и надменно, не считаясь с нуждами и порядками, успехами и помехами человеческого бытования.

Еще со времен его прадеда установилось так, что служители Верховного Бога наглухо закрыли от общества свою территорию, никому не подчинялись и жили, руководствуясь не выходящими за храмную ограду законами. Они не стремились, подобно прочим жрецам, влиять на монарха, заискивать, не пытались делить с ним власть; о нет, для них королевское могущество равнялось нулю, они не были гражданами его державы, они считали себя подданными лишь своего Верховного Бога, Бога-невидимки. Необычным образом сочетались в них строгость и замкнутость с редкостной, хотя и отдающей холодом учтивостью. Каждому обратившемуся дарится внимание, на любой вопрос найдется ответ, правда, почти всегда абстрактный и неясный. Они с одинаковой вежливостью беседуют и с ученым, и с крестьянином, и с вельможей, и ни один самодержец не услышит от них «ваше величество».

У короля хорошо отложился в памяти один случай. Как-то главнокомандующий союзнической страны специально приехал в знаменитый Храм, чтобы узнать исход тщательно планируемой военной кампании. Служитель, которого он выбрал в качестве оракула, объявил, что в Храме Верховного Бога не занимаются предсказанием будущего.

– А ведь это практикуют во всех капищах! – воскликнул удивленный воин.

– Да, – прозвучало флегматичное подтверждение, – вы можете отправиться в любое из них.

– Но я считал, что в вашей обители знают о грядущих событиях лучше, чем где бы то ни было.

– Допустим, что так, – пожал плечами служитель.

– Почему же вы ничего не хотите сказать? Это тайна, которую нельзя выдать?

– Нет, потому что все предельно ясно.

– Не понимаю.

– Хорошо, я обрисую вам будущее. В результате вашей затеи и без того непрочные общественные устои еще раз пошатнутся от несчастья и ликований; будут убитые, искалеченные, плененные, будут сожженные деревни, женские слезы, роскошные пиры и очень много трескучих фраз. Я не прав?

– Да! – воскликнул закаленный воин, – вы правы. И я мог бы изобразить последствия сражения гораздо живописнее. Но ведь вопрос мой состоит в том, кто победит?! Кто попадет в рабство, а кто будет пировать и праздновать?

– Это не важно, – ответил равнодушный адепт Верховного Бога, – все людские слезы и радости – из одного источника.

– Ну, глядя с вашей позиции... – смутился военачальник.

– Все наши позиции утопают в никчемной диспозиции Земли, – прервал служитель, буравя взглядом зрачки визави.

Опытному командиру стало неуютно под прицелом внимания отрешенного поклонника непризнанного божества. По телу растеклась слабость, и возникло осознание, что в словах этого странного индивида есть доля правды. Он вспомнил, какое опустошение испытывал он иногда после побед, как часто ему чего-то не хватало в чествованиях, следовавших за ними. Смутный инстинкт подбивал его бежать из Храма, пока все внутри его не всполошилось. Он наспех попрощался и сделал несколько шагов к выходу, но ощутил, что пространство загустело, насытилось жесткой волей и эта воля держит его. Воин медленно обернулся, служитель не изменил позы, и совсем рядом угадывалось тяжелое присутствие непомерного вели-

чия. Голову ратника укутали жар и мрак, дыхание остановилось. Однако оцепенение длилось недолго, может быть, лишь мгновение. Когда он открыл глаза, его собеседник еле заметно и неопределенно улыбнулся. Побледневший военачальник жадно вдохнул воздух.

– Что это? – прошептал он; через минуту, когда вернулась ускользнувшая жизнеспособность, добавил, – мне показалось: вы меня осуждаете.

– Мы не имеем права осуждать вас, – отозвался служитель. – Мы даже не Фемиды. Подумайте о Высочайшем Всевидении, которое и вас имеет в виду, о порочных кругах вселенского колдовства и о бытийности, данной вам одному и никому больше. В добрый путь.

Окружающая среда вошла в норму, и воитель без труда покинул волшебную зону. Позже он взволнованно и подробно пересказал этот эпизод королю и заверял, что сам Верховный Бог навещает Храм и дотрагивается до сердца. Спустя несколько недель полководец умер от непонятной болезни. Король знал, что этот талантливый человек не обладал крепким здоровьем и был впечатлительным, что в нем всегда пульсировала чуть заметная нервозность, именно поэтому он легко поддавался воздействию необычной атмосферы. И все же следует соблюдать осторожность: святилище, видимо, имеет сокровенную силу, и они могут многое, эти невозмутимые, безучастные и непреклонные служители.

Все досконально взвесив, с таким положением вещей можно было смириться. Неподвластность обители, конечно же, раздражала, но слишком много отвлеченности и масштабности содержал ее облик, подобные абстракции не могут очень больно ударить существо из плоти и крови. Так сложилось, что Храм выскользнул из державной иерархии, занял особое место под небом, он вселенское достояние на высшем уровне, и служители не принимают в расчет королевское господство. Но они не претендуют не только на доминирование, но даже на участие в светской жизни, они не соперничают с ним и никак ему не досаждают. Что ж, в конце концов, он не властен над китами и леопардами, ливнями и засухами, над силами, гонящими кверху стволы и стебли. Умный монарх понимал, что наличествует немало процессов и фактов, к которым не применима его воля. И хорошо, если они редко напоминают о себе! Это серьезное испытание для правителя, когда воплощенная в линиях зодчества нерушимость сияет возле резиденции, когда повсюду – тени чуждого кумира, неудобно нависшего над привычными заботами и отрадами.

Король, несомненно, совладал бы с собой и научился бы игнорировать эту довлеющую над его судьбой неподконтрольную диковину, не будь обстоятельства, заразившего его ум хроническим беспокойством: Храм имеет необъяснимое, огромное влияние на его младшего сына, принц привязан к нему ненормально, болезненно, и он чуть не умер, когда его комнаты перевели в другую часть дворца, откуда накаляющий нервы объект был недоступен для созерцания. Вот этого не мог простить инородному святилищу неистово любящий и страдающий отец. Он никогда не появлялся в Храме, никогда не заговаривал о нем с придворными, никогда специально не останавливался, чтобы поглядеть на его пронизанные искрами, постоянно летящие стены.

...

Заведенное космическими часовщиками время, с его педантичностью и сюрпризами, постепенно складывалось в годы и неожиданно для Арри зазвенело и покачнулось, когда теплым весенним вечером к нему вошла повзрослевшая Лия, взволнованная, с необычными отсветами в глазах.

– Я скоро уеду. Навсегда, – объявила она брату. – Я выхожу замуж за принца соседней державы Грега. Уже идут приготовления к свадьбе, и мне все труднее надолго прервать хлопоты и церемонии, чтобы побеседовать с тобой. Сегодня я улучила момент... Нет, нет, не сочи-

ной торжественных пожеланий... Я знаю, что ты меня любишь, но знаю и то, что тебе мое замужество безразлично и ты с легкостью забудешь меня.

– Да нет же, Лия, – растерялся Арри.

– Да, да, – возразила Лия, и слезы заблестели у нее на щеках. – С моим будущим все ясно. Я хочу сейчас поговорить о тебе.

– Почему же нужно говорить обо мне в такой день?

– Я всегда знала, – продолжала Лия, игнорируя вопрос брата, – что твоя любовь ко мне – снисходительна. Я мало понимаю книги, над которыми ты просиживаешь ночами, мне трудно угнаться за твоими мыслями, но во мне сильно развита женская интуиция, по-своему я прозорлива, кроме того, я к тебе очень привязана. Все это помогло мне узнать самое важное о тебе. Мне известна твоя самая сокровенная тайна, дорогой брат. Я, по понятным причинам, не поведала ее ни отцу, ни Рею, никому, все узнают в свой черед, а пока не надо ничего будоражить.

Арри прикоснулся к плечу сестры.

– Какая тайна, Лия? Ты говоришь так загадочно, как будто я владею философским камнем, или знаю секрет изготовления золота, или собираюсь похитить красавицу.

– О нет, изготовление золота тебя не занимает совершенно, красавицы тоже, – Лия лукаво улыбнулась.

– Ты меня интригуешь. Что же это за тайна, о которой я сам не подозреваю?

– Я же сказала, самая сокровенная. Ты мне все не веришь.

Лия подошла к окну и указала на грандиозный огнедышащий силуэт.

– Ты мечтаешь стать служителем Храма Верховного Бога.

Арри почувствовал, как озноб пробежался по телу и течение крови на мгновение остановилось. Как сильно он недооценивал сестру! Она произнесла вслух то, что он сам для себя еще явно не сформулировал. До сих пор его глубинное воление не имело такой четкой направленности, лишь тягучая тоска заострялась и все упорнее ввинчивалась в жилы, а сестра ощутила ее и уложила в одну фразу...

Затянувшееся благодное молчание прервала Лия.

– Я знаю больше, Арри, – она заговорщически понизила голос, – я уверена, что ты будешь принят в обитель. Это кажется несбыточным, потому что ты любимый сын и твой уход может свести с ума или подвигнуть на крайние действия отца. Это может привести к волнениям в стране, случись что-нибудь с Реем. И все же ты станешь служителем Верховного Бога.

Слезы опять затуманили глаза принцессы. Ее похожие на спелую пшеницу волосы беспорядочно струились по плечам. В своем светлом горе она походила на фею из мифического царства, озабоченную некими эфирными неполадками. Арри внимал сестре, и сам был готов заплакать. Противоречивые эмоции клокотали в груди, подкатывали к горлу, застывали и через несколько минут преобразовались в слова.

– Ты чрезвычайно удивила меня, Лия. Я не ожидал от тебя такой пронизательности, я был слишком сосредоточен на себе. Ты преподнесла мне урок любви и понимания. Ты мудро переступила черту моей замкнутости, и мы получили возможность услышать друг друга, и я уже не боюсь подтвердить твое мнение, что моя привязанность к тебе несколько... ущербна, что ли. Это так. На всех измерениях моей души запечатлен образ Храма. Он захватил меня целиком и не потерпит соперников в лице друга, отца, сестры или кого бы то ни было. Да, он по-своему жесток. Я тоже жесток, потому что говорю тебе это, и я бесконечно счастлив, что могу тебе это высказать. Ты ведь потому и плачешь, и улыбаешься, что эта правда отраднa и ужасна одновременно.

– Да, – ответила Лия, – я прочувствовала на себе конкретное единство противоречий, о котором вы абстрактно рассуждали с философом... Такая вот неоднозначная конкретика и разобьет, и возвысит мое будущее...

– Ты серьезно?

– Да. Это моя тайна.

– Ты мне доверишь ее, Лия? Я очень надеюсь.

Арри выглядел сконфуженным и немного испуганным. Как незаметно выросла и повзрослела рядом с ним сестра! И вот пришла попрощаться загадочной незнакомкой, и говорит такие обескураживающие вещи.

– Конечно, я все расскажу тебе. Несомненно, я каким-то уголком рассудка понимаю твою всеохватную одержимость Храмом, но я не до конца ее разделяю. Меня святилище не зовет. Нет, я остаюсь на этой стороне; как всякая женщина вью свое гнездо. Не скрою: мне тревожно; однако со мной все просто, и речь не обо мне. Выслушай меня с участием. Я не могу истолковать, я не сознаю, откуда мне это известно, но я знаю наверняка следующее: у меня будет сын, одаренный и привлекательный, его отец будет гордиться им, окружающие будут любить его, и больше всех я. Но никто ничего не сможет поделать, он покинет семью и родину, чтобы стать рыцарем отвергнутого всем миром Верховного Бога. Вот увидишь, все так и будет. Нервы мои леденеют, когда мне чудится, что мой сын заявит мне что-нибудь вроде того, что произнес ты: любовь к Храму исключает любовь к матери. Но ты только подумай, Арри! Священный монстр уже отнял тебя и отнимет потом самое дорогое мне существо, то есть я лишусь наиценнейшего, но я продолжаю благоговеть перед этим исполином и считать, что он на все имеет право.

Лия сквозь слезы улыбнулась.

– Вот такая судьба дарована одной странной принцессе.

– Самой прекрасной на свете принцессе, – прошептал Арри.

Рей знал, что сестра нередко засиживалась у младшего брата до утра, и был очень уязвлен, когда она, уезжая, сказала ему, старшему, лишь несколько, правда, действительно искренних и сердечных фраз. За что все любят этого недотепу Арри, который никак не выйдет из детского возраста? Его увлечение Храмом переходит границы нормального, и в итоге он плохо ориентируется в окружающей обстановке. Бесспорно, это самое фантастическое и манящее сооружение из всех возведенных на земле, но оно не может заменить жизнь и вообще плохо в нее вписывается. Арри не будет королем, но он будет великим принцем, а это тоже накладывает кое-какие обязанности, и выполнять их нужно как следует, а пока его брат даже на балу не умеет вести себя подобающим образом, и все ему всё прощают как невинные детские шалости. Но он уже не ребенок! Пора бы иметь представление о мировой политике, о светском обхождении, о таящихся угрозах повседневности, наконец. Как можно проводить весь досуг под гипнозом полыхающих стен? На что он надеется?

Рей, вместивший в себя практически все ценимые в обществе достоинства, понимал, что отец им очень доволен, но видел и другое, то, что любит он больше всех младшего брата, а потом – Лию. Рею с раннего детства внушали, что в большинстве случаев он должен поступать не по желанию, а так, как требует его положение, что будущему монарху нужно владеть своими чувствами и следить за каждым своим шагом. Рей постиг эту науку в совершенстве и смирился с тем, что внутреннюю жизнь надо подавлять во имя внешней, которая на виду у всего королевства, да и всего мира. Придворные учителя не могли им нахвалиться, все обязательные для его ранга дисциплины давались ему легко. Он недолюбливал астрологию и философию за их расплывчатость, но и тут усвоил все, что ему надлежало. Образцовый престолонаследник охотно копил знания, надеясь, что они помогут реализовать мечту, издавна лелеемую в душевных тайниках.

Со всем пылом юношеского упрямства Рей верил, что его дерзновенные планы осуществятся: в отдаленной пока перспективе, когда он получит корону, он непременно завоюет Вселенную, он будет властелином всех четырех сторон света. Правда, из анналов принцу было известно, что до сих пор это никому не удавалось, кроме того, никто не знает, сколько еще неоткрытых земель благоденствуют или прозябают под сенью своих идолов. Он станет перво-

проходим, выполнит особую миссию, и его увенчает яркая слава открывателя и победителя. Великим полководцам прошлого не хватало, по его мнению, глубины мышления, они действовали порой слишком поспешно и полагались на инстинкт и везение там, где были необходимы способность к анализу, здравое чутье и строгий расчет. О, нужно учитывать потенциальные риски, нужно загодя проработать в уме все возможные ситуации и предусмотреть способ одоления самых каверзных препятствий. Рей любил подолгу разбирать с учителем истории эпизоды знаменитых сражений и походов и давать оценки действиям успешных и неудачливых военачальников. Прوماхи последних – он все больше убеждался в этом – зависели от недостатка знаний и неумения ориентироваться в обстановке, что бы там ни говорил о судьбе учитель философии.

Рей стремился постичь как можно больше в области геометрии, истории, географии, особенно же его интересовали военное искусство и политика. Музыка, танцы, светский этикет? Они тоже пригодятся будущему властелину ойкумены. Принцу нравились беговые лошади, бурные реки, охота, различного рода состязания. Он молился лишь богу войны и богине победы. Пусть сотня косноязычных жрецов колдует в мелком ареале Верховного Бога, на которого нельзя положиться. Ни одного трепета в груди и под черепом не посвятит он безликому кумиру. Весь жар юного поклонения он отдает богине победы. Она защитит его в будущем, ведь она покровительствует ловким, горячим и отважным.

Его родина процветает, здесь развиты науки, ремесла, искусства, армия не ведает себе равных, но на свете много политических и племенных образований, которые закоснели в варварстве. Он принесет туда цивилизацию, везде устроит гражданское общество с позиций разума и в конце концов докажет отцу, пусть и после его смерти, а самое главное, Лии, насколько он превосходит брата, этого мечтателя-неудачника. Лиино государство войдет в его империю, а Арри, начиненный нелепыми фантазиями, будет выглядеть весьма невзрачно. Рей утешал себя таким образом, но, будучи умным юношей, сознавал, что, наверно, и тогда взаимная симпатия Лии и Арри не ослабеет; он может подчинить их себе, но никого нельзя заставить полюбить. Какая общая тайна их связывает, почему они держат его на расстоянии? Чем так притягивает людей ничуть не стремящийся к этому Арри? Рей злился на брата, понимая, что не вправе этого делать, ведь тот даже не пытался с ним соревноваться, или в чем-то мешать ему, или хоть как-то его задевать. Рей догадывался, что, будь Арри старшим, он охотно отказался бы от трона, он не властолюбивый и не считает брата-престолонаследника ни врагом, ни соперником. Арри не завоевывал Лию, она фатально попала под влияние его личности, он вообще мало что замечает и ко всему равнодушен.

Временами Рей чувствовал угрызения совести от несправедливого отношения к Арри и тогда решал, что в своей будущей всемирной державе он даст великому принцу покой и полную свободу: никто не посмеет ему докучать, пусть читает свои запылившиеся трудные фолианты и трепещет от каждой метаморфозы Храма. А сам Храм как непревзойденное достижение человечества всегда будет символом величия его столицы и его королевской власти; неважно, что там царит абстрактный Верховный Бог, он не воздействует на благоразумных индивидов и ни в чем ему не помешает. Так размышлял юный наследник короны, вдохновленный грядущими битвами и победами, предвкушая лавры и беспримерное могущество. Однако тихо звенящая, безотчетная грусть вливалась порой в его безоблачные настроения, уколы неведомых стихий царапали изнанку груди, не сильно, едва ощутимо, и все же это были зародыши смуты, их должно уничтожать на корню.

...

За свадьбой Лии последовали другие увеселения, королю вдруг захотелось немного развлечь сыновей, к которым он был неизменно требователен. Гулянья удались на славу, без при-

нужденности и натуги, музыканты не фальшивили, повара не подвели, цветы не завяли преждевременно, дамы были нарядными и довольными. Наблюдая за Реем, король гордился, что вырастил достойного преемника. Младший сын опять принес ему огорчения, он присутствовал лишь на вводных церемониях и затем сразу же уходил к себе.

– Эти празднества задуманы и ради тебя тоже, – упрекнул его государь с обидой.

– Ты полагаешь, папа, что каждому приятно лицедействовать на казенных игрищах?

Король не стал спорить, не раз он уже проигрывал неучтивому отпрыску словесные поединки. Кто внушает ему дикую, перевернутую логику?! Надо срочно поговорить с учителями. Надо проверить, что он читает, зачем он надолго уединяется с философом. Король раздражался, а спустя какое-то время получил сокрушительный удар: Арри попросил освободить его от официальных обязанностей.

– Ты в своем уме?! – закричал оскорбленный отец. – Ты принц, это твое предназначение, ты не можешь вести себя, как простой мастеровой.

Арри побледнел, глаза обездвижились и будто затянулись пленкой льда. Он молча ушел.

Врач назойливо приносил ему лекарства, но упрямый монарший сын их отвергал, спокойно повторял, что здоров и ни в чем не нуждается. В его окне, то даря галактики, то отнимая всё, шевелились контуры и бездонности Храма, и каждый жест таинственной субстанции был противовесом тому, что Арри вынужденно наблюдал вокруг себя ежедневно. Как несносны отстоявшиеся в веках традиции и условности! Как трудно сознавать, что великолепнейший дворец стал его тюрьмой. Неслаженные звуки придворной маеты сплавляются в монотонный, надоедливый гул, от которого нельзя отшатнуться, который воображает себя голосом жизни. Он не может затронуть лишь Храм, не в состоянии посягнуть на него, не имеет права... Неприкосновенная твердыня беседует с Арри, навязывая свой язык, свои приемы, обращаясь к каждому и ни к кому; ее язык не изучаемый, и тем не менее весть льется прямо в душу, захватывает всю ее, и только этот томящий плен парадоксально и невнятно сходствует с подлинной свободой...

Целебное воздействие Храма заключалось не в том, что он возвращал воспаленную психику к обычным стандартам, скорее, он отводил от них, разрывал закосневшие лимиты и очерчивал вышины, на которых нейтрализуются и болевые пороги, и спазмы блаженства. Иногда он пробивал едкими лучами сокровенные залежи человеческой сути так, что возбужденный участок глубины грозил уничтожить поверхность. Арри видел, что невозможно исследовать и выразить его взаимоотношения с Храмом, они наличествуют как непреложная данность, они просто есть, и в свете этого бытия растворяется все...

Едва почуяв прилив бодрости, своевольный принц снова подолгу бродил в окрестностях святилища, заходил, когда можно было, внутрь, с жадной внимательностью исподтишка наблюдал за служителями. Кто они? Сколько модусов у их неофициального статуса? Их положение несоизмеримо с чинами, иерархиями, рангами. Неужели сбудется предсказание Лии и он на равных войдет в уникальный орден, станет частью не вовлеченной в миропорядок системы? Как мучительно, с каким ликованием мечтается об этом! Но как это возможно? Нет никого, кто бы мог подсказать ему, что предпринять, как поступить. Отчаянье Арри достигало порой угрожающего накала, томление опасно загущалось, он не видел выхода из тупика, а совсем небольшое расстояние между дворцом и сияющей крепостью аномально равнялось бесконечности или безнадежности.

Никому вне обители не известно, что на самом деле представляет собой священное братство, чем руководствуются адепты безликого Бога при наборе пополнения. Экзаменатор из Храма объявляет претенденту лишь результат (принимают его или нет), никогда не аргументируя причину отказа. Некоторые неудачники говорили впоследствии, что с ними обращались вежливо, но по сути они ничего не поняли, ни требований, предъявляемых к испытуемым, ни

своих промахов. А те редкие счастливики, которых забирает святыня, выбывают из социальных отношений, становятся недостижимыми и словно забывают язык сограждан.

И все же неопределенным способом из неведомых источников кое-какая информация просачивалась наружу. Практически доказанным считалось следующее: каждый вступающий в обитель отрекается от отечественных богов во имя чужого Верховного Бога, кроме того, он отрекается от семьи, родины и всех своих прежних привязанностей. Затем новичка подвергают нескольким жестоким испытаниям, от которых можно погибнуть, и наконец он дает страшную клятву и обязуется во всем беспрекословно подчиняться Уставу Храма и его предстоятелю. В большом количестве распространялись и иные сведения, не столь достоверные; говорили, например, что на территории святилища вырыто подземелье, где, возможно, приносятся человеческие жертвы, что в библиотеке хранятся рукописи великих магов и колдунов, благодаря которым служители искусно прельщают народ, что они могут не спать неделями, могут подниматься в воздух и вызывать из могил покойников.

Слухов было много. Арри обсуждал их порой с учителем философии и риторики, тот заговаривал иногда со служителями и они не отказывались побеседовать с ним. От своего старшего друга принц узнал, что все приверженцы Верховного Бога безвыездно живут за оградой обители, их численность – приблизительно сто человек, одни умирают, другие приходят на смену, больше половины – иностранцы; они книжники, знают науки и множество языков, образ жизни – скромный. У них есть слуги, которые убирают Храм, официальные и прочие помещения, готовят еду, доставляют предметы обихода и все необходимое. Эти расходы составляют лишь мизерную часть от тех доходов, что приносит в казну уникальный шедевр зодчества. Учитель мудрости поведал юному подопечному и то, что он неоднократно пытался добыть у служителей хотя бы общие заповеди религии Верховного Бога, но они неизменно повторяли, что религии в ее традиционном понимании в обители нет. Ученику и учителю оставалось лишь строить гипотезы о таинствах святилища, и заключения их подчас принимали некомфортную для интеллекта форму.

У старого умудренного человека с некоторых пор все чаще усугублялась тревога, он видел, что юноша обладает недюжинными способностями и огромной волей, которая не уместается ни в какие границы. Философ преподавал свою науку в течение многих лет и принцам, и сыновьям вельмож, она была в моде, вернее, та ее часть, которая могла восприниматься заурядным рассудком. Однако для детей царствующих особ это был лишь положенный, но побочный аспект образования, куда более важными считались география, история, не говоря уже о военном деле и искусстве дипломатии. Ученый боялся доложить королю, что его младший сын всецело поглощен идеями метафизики и уроки далеко вышли за рамки обычной программы. Арри стал компетентным собеседником, более того, нередко он раздвигал устоявшиеся диапазоны мышления своего учителя.

Для них обоих занятия были отрадой. Но что ожидает в дальнейшем этого принца, который так мало похож на высших аристократов и которому в силу происхождения не положено быть ни академическим мэтром, ни бродячим философом? И еще эта болезненно преувеличенная захваченность Храмом! Что и говорить, Храм – величайшая тайна. Выше всяких анализов и синтезов тот факт, что он бытийствует, как бы отгородившись от натиска реалий, вне общественных отношений, подавляет аномальной, страшноватой красотой; не повернутый ни в одну сторону света, он обращен только к надмирной всесторонности. Душевные конвульсии вызывают и Верховный Бог, поправший всю религиозную догматику, и окутавшая шпили одичалая атмосфера, и служители, в чьих лицах – пустота. Этот единственный в своем роде гигант смущал старого мудреца еще и тем, что его воспитанник все больше и больше поддавался внесмысловым императивам лучащихся сводов и куполов. Было заметно, что существует и обратная связь, чего ему, законному глашатаю высоких концепций, не дано.

Подобно королю философ несколько ревновал принца к святилищу, и при подходящем настроении он однажды с удовольствием поведал ему недавнюю историю. Как-то жрецы местных богов, астрологи, алхимики и авторитетные деятели наук решили всерьез разведать, на чем зиждутся неколебимый престиж слуг Верховного Бога и небывалая притягательность заносчивой твердыни. С этой целью в обитель был послан агент, очень способный и расторопный человек. Он представился членом академии и пояснил, что уже долго работает над логико-математическим наследием знаменитого ордена Птоломаха, что он задействовал все доступные материалы для изучения этой влиятельной доктрины, однако немало рукописей утеряно и осталась одна надежда – библиотека Храма. Не будут ли досточтимые служители так любезны, чтобы допустить его на какой-то период к своим сокровищам? Служители были любезны. Названные труды Птоломаха и обширные к ним толкования числились в библиотеке, и просителю не было отказано в ознакомлении с ними.

Очень редко в обитель допускались посторонние на правах гостей, но такое все же иногда практиковалось, и на этот раз пришельцу позволили поработать недолгое время в читальне Храма. На случай, если он задержится допоздна, ему была отведена спальня, в установленные часы он мог получить пищу в столовой. В процессе занятий исследователю необходимо было четко помнить две вещи: во-первых, к литературе не выдаются никакие комментарии, библиотекарь лишь помогает найти нужную книгу; во-вторых, не следует искать ни трактатов, ни иных опусов о религии Верховного Бога, их нет. В передвижениях по территории Храма, за исключением жилой зоны, и в продолжительности ежедневной работы знаток Птоломаха не ограничивался, в остальном полагались на его чувство такта. Разведчик безукоризненно соблюдал все общепринятые нормы приличия, стараясь выполнить основную задачу, которая состояла в том, чтобы найти Главную Книгу и незаметно переписать хотя бы самые важные секреты Храма, обеспечившие ему феноменальное могущество. Кроме того, из разговоров служителей, из их поведения ему следовало выведать как можно больше, что же там на самом деле происходит.

Мнимый ученый провел в святилище около двух месяцев, но, покинув его, почти ничего не смог доложить о храменных установлениях, порядках и обычаях. Там действительно имеется громадная библиотека, содержащая многочисленные труды по математике, физике, риторике, философии, грамматике, астрономии, – словом, в ней представлены все науки и вроде все известные авторы; но большинство произведений широкой публике незнакомы. Слишком долго осматривать коллекции было невозможно, это вызвало бы подозрение, поэтому Главная Книга не нашлась, да и наивно было предполагать, что она лежит на видном месте. Никакого подземелья он не обнаружил, хотя обследовал всю доступную ему территорию очень тщательно. Все решили, что оно слишком хорошо замаскировано и что именно там хранятся Главная Книга и другие тайны ордена. Опытный лазутчик допускал, что, может, это и так, но если оно защищено столь надежно или находится под жилыми постройками, то его никто никогда и не отыщет.

О внутреннем режиме Храма, занятиях служителей, сути Верховного Бога ничего внятного и интересного агент жреческого и ученого сословия также сообщить не мог. Вначале ему показалось, что в обители царит полный хаос, но через какое-то время он почувствовал в хаосе устойчивую ритмичность, которая стабильно исключала неожиданности, будто бы все двигалось по явно прочерченной траектории. Что за парадокс! Как может беспорядок быть упорядоченным? Псевдоученый специально приходил в столовую, когда там собиралось наибольшее количество людей. Они вежливо отвечали на его приветствия и, если что-то обсуждали, то без видимого смущения продолжали беседу; тему разговоров он никогда не улавливал, если они не касались обеда или других бытовых деталей. Некоторые фразы были очень специфичными и могли натолкнуть на ошеломляющие выводы, но неглупый разведчик сообразил, что в любом случае они будут ложными и похожими на те сплетни, что в изобилии циркулируют по всем широтам. Язык их общения похож на шифровку, с той только разницей, что ключ

к ней не получит ни один посторонний. Чтобы проникнуть в ментальное поле этих существ, нужно иметь их выучку, их способ мышления, их таинственную причастность к Храму, то есть быть одним из них.

Авторитеты официальной элиты решили, что служители вели умную игру перед лицом чужого человека, чтобы ввергнуть его в заблуждение и скрыть истинное положение вещей. Искушенный разведчик возражал, что все намного сложнее. Да, скорее всего, в его присутствии они вели себя не так, как обычно, но подобной игры он никогда не видел, и ни за что нельзя догадаться, что именно они стремились утаить. Ловкий посланец не сумел выполнить порученного задания, лишь остро ощутил неконтактность обители и испытал скуку от царящей там тишины и полного отсутствия действий, о чем и заявил с простодушием, прежде ему не свойственным. Жрецы пришли к выводу, что Храм некими средствами околдовывает своих гостей и они перестают замечать подлинные события, а видят лишь те миражи, которые внушаются их сознанию.

Арри с трепетным интересом выслушал темную историю. В слаженном рассказе учителя его прежде всего поразил сам факт пребывания шпиона в Храме. Немыслимо! Неужели на какой-то период померкло всевидение твердыни? Неужели ее живые стены не ощутили враждебного дыхания? Почему Верховный Бог не пресек это кощунство?

– Это неправда! – почти выкрикнул взволнованный принц. – В Храм не сумеет проникнуть лазутчик.

– Тем не менее он провел там два месяца, – жестко и с некоторым злорадством ответил философ.

Арри вдруг осенило. Он побледнел и сжал пальцы.

– Я понял. Вы тоже участвовали в заговоре против святилища, вы были в этой компании.

– Да, был, – спокойно подтвердил учитель.

У юноши помутнело в голове, пульс лихорадочно стучал в висках.

– Оставьте меня, – выдохнул он.

– Возьмите себя в руки, – раздалось строгое повеление.

«Он не бывал прежде жестоким», – подумал Арри, и эта мысль остудила его, рассудок прояснился, он отчужденно смотрел на недавно еще столь близкого человека.

– Я признаю, что вы еще не мужчина, – продолжал тот едко, – но все-таки уже не ребенок. О, как это удобно, при каждом несогласии с окружающими уходить в болезнь и демонстрировать желание умереть. Тогда все на цыпочках ходят вокруг маленького упряма и во всем ему потакают, лишь бы он не отдал концы. Пора учиться отстаивать свою позицию достойно, как взрослый индивидуум и личность.

Арри растерялся, впервые услышал он от учителя такие упреки. Но это правда...

Философ слегка испугался: не слишком ли много он себе позволил? Когда-то давно, в самом начале их дружбы, мальчик попросил не обращаться к нему официально, а называть просто по имени, не соблюдать формальностей, выражать мнения открыто. Это был совершенно новый опыт для мудреца, воспитанниками которого были по преимуществу юноши королевских и знатных фамилий. Он был популярен, повсеместно считалось, что он оказывает благотворное влияние на молодое поколение; и он действительно умел расположить к себе учеников. Самобытность натуры и фундаментальные знания создали ему прочный авторитет; казалось самоочевидным и неоспоримым его право на власть в той сфере, где он подвизался. Изредка его подопечные, чувствуя интеллектуальное превосходство наставника, будучи в этом отношении ниже его, пытались подчеркнуть свою родовитость тонкими или даже бесцеремонными намеками в зависимости от склада ума и темперамента. Случалось, ему давали понять, что он всего лишь придворный учитель, с которым можно не церемониться. Философ, со своей стороны, хитроумным и изысканным способом доводил до сведения молодых господ, что он,

в общем и целом, невысокого мнения о природе человеческой, что суэта мирская вовек одинакова и она мало его затрагивает. Взаимоотношения с учениками чаще всего складывались хорошо, однако этикет соблюдался всегда.

Ученый был польщен, когда его пригласили ко двору доминирующего государства, в резиденцию, соседствующую с изумительным Храмом. Он с явным удовольствием и некоторой опаской принялся за образование королевских сыновей. Рей обладал недюжинными качествами и был способным к наукам, но во многом походил на своих высокородных сверстников. Арри же его удивил, восхитил, встревожил. Как незначительно отразились на нем типические признаки семьи и окружения! Создавалось впечатление, что до него вообще плохо доходит тот факт, что его отец – всесильный монарх. И отчаяннейшая беззаветность в поисках истины! С непривычки обескураженный философ даже испугался такой безоговорочной тяги к Абсолюту и не знал, как на нее реагировать. Их отношения в самом начале определил Арри: не было принца и придворного учителя, были философ и его ученик, оба – рыцари Алетейи, открытые для космических вливаний, не зараженные лозунгами мутной повседневности. Дружбой и доверием мальчика ученый дорожил необычайно, а теперь у него внезапно сорвались слова, пропитанные слишком большой дозой желчи, и он не мог сообразить, как исправиться.

Молчание нарушил младший:

– Вы правильно сказали. Вот видите, я уже спокоен и полагаю, что в дальнейшем научусь вести себя достойно.

– Достоинство – одна из главных черт вашего характера.

– Я рад, если вы так считаете, но я знаю свои слабости. Я малодушен, судьба не послала мне ни одного испытания, что выпадают на долю исторических героев... Но меня не прельщают героика и приключения с их ложной романтикой.

– А к какому сорту отнести вашу безоглядную увлеченность Храмом?

– Ни к какому. Потому что Храм ни с чем не соотносится.

– Пусть так...

– Мне трудно сейчас дискутировать. Я, как никогда, потрясен этим казусом, и я вам вполне подобающим образом докажу, что в обитель не может проникнуть маскирующийся интриган с неблагоприятными целями, – заявил Арри, не представляя ни в малейшей степени, на каком базисе он построит свое доказательство.

– Разве можно исключить очевидные факты? – метафизик вдруг сделался жестким натуралистом.

– Нет никаких очевидных фактов.

Учитель заметил, что лицо мальчика осунулось, что ему непременно нужен отдых, чтобы переварить известие, которое неудобным клином врезалось в привычный ход размышлений.

– Арри, – сказал он, – я буду рад выслушать любые ваши доводы, а пока советую вам погасить пену раздувшихся впечатлений. Я, впрочем, тоже устал.

Друзья расстались, но у юного принца не получилось снять эмоциональную накипь, едкое вещество непонятного характера впиталось в сосуды и разносилось кровью по всему телу. Молодой человек томился и ослабевал, мозг окутывало забытие, спасительный вакуум полоскал поры. Сон был паралитического свойства, любое возбуждение в природе неизменно поддается своему противодействию. В комнате стояла духота, но не было сил подняться и открыть окно, одеревеневшие члены переживали очистительный момент безжизненности...

Подкрадывавшаяся на заре прохлада постепенно размыкала ночные сцепления атмосферы, легонько вонзала в голову иголки трезвости. Занимался новый день и с каждой минутой все отчетливей звенел своими нарастающими хлопотами. Пробудившийся Арри первым делом поприветствовал Храм, и тот захлестывал его изощренной символикой, разверзал темнеющие провалы и тут же заволакивал их новыми блистающими покровами. Вчерашняя рана шевель-

нулась в груди свежим смягченным уколом, и вдруг увиделось очень простое решение проблемы: можно подойти к любому служителю и спросить, как случилось то, о чем поведал ему учитель, каким таким хитроумным способом удалось чужаку проникнуть в святилище? Слуги Верховного Бога отвечают каждому, кто к ним обращается, и должно последовать какое-то разъяснение. А если оно не будет удовлетворительным?.. Арри самозабвенно подставил лицо радиациям Храма, расплавлявшим все горести и ценности, и мысленно попросил у него прозрения. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь из дворца услышал или просто увидел его общение со служителями; и сейчас был удобный момент, так как весь двор и отчасти король были поглощены курьезным событием, шум от которого донесся и до ушей не интересовавшегося никакими интригами принца.

Арри осторожно выбрался наружу по темным лестницам и, никем не замеченный, направился к обители. Перед воротами ограда его охватила такой жаркий стыд, что захотелось повернуться и убежать, но молодой человек сумел пересилить себя, вошел внутрь, стал в стороне и внимательно огляделся. Было еще рано, в Храме находилось человек сорок; с третью из них негромко беседовал служитель, остальные были сами по себе, одни стояли, как будто в трансе, вбирая летучие эманации в свою тяжелую энергетику, другие безуспешно вникали в мерцавшие на стенах возвещения и хаотично бродили вдоль и поперек. Напряженное зрение Арри зафиксировало нескольких адептов Верховного Бога, но он словно окаменел, к стыду прибавился страх, и тяжело было тронуться с места. Вдруг его нервозность достигла пика: из подсобного помещения вышел предстоятель и куда-то последовал, пересекая Храм. Оцепенелый юноша ощутил внутренний толчок и, слабея от отчаянья, двинулся наперерез почтеннейшему и самому необыкновенному из людей. Он безотчетно шагнул прямо на него, так что глава ордена не мог не остановиться. Едва взглянув ему в глаза и опустив голову, Арри, запинаясь, промолвил, что обстоятельства сложились так, что ему жизненно необходимо обсудить с Досточтимым одно происшествие в Храме.

– Сейчас у меня есть немного времени, – ответил тот просто. – Волноваться не надо.

Они отошли в тихий уголок, и предстоятель указал робкому посетителю место напротив себя. Запаниковавшему принцу с трудом верилось, что он – в зоне внимания мудрейшего из земных существ, что это по нему скользит пронизанный глубинным умиротворением и бесцветностью взгляд. Был ли он полубогом, этот невозможный человек, которому выпал такой высокий жребий? В любом случае он не походил ни на одного смертного. И он согласился выслушать его! Арри набрался отваги пристально взглянуть ему в лицо, и пульс его захлебнулся: перед ним был Посвященный, ставленник духовных субстанций, причастный не к магическим ухищрениям, а к высочайшей воле, абсолютной в своей простоте и непостижимости. Неколебимая отрешенность в облике Досточтимого плавно унимала трепет юного создания. Мудрец видел натянутые нервы визави и сказал мягко и ободряюще:

– Я готов вас выслушать.

Страх и благоговение Арри на миг онемели, и всю его сущность обожгло озарение: рядом с ним – единственный человек в мире, которому он хотел бы повиноваться, он, строптивый, всегда категорично отстаивающий свое Я. Через минуту Арри заговорил неожиданно связно и вкратце изложил историю, поведенную ему философом, добавив, что тот никогда умышленно не лжет. Однако в это трудно поверить. Как случилось, что Храм с его неземной прозорливостью не почувствовал проникновения недоброжелателя?

– Так вот что вас так встревожило, – взгляд предстоятеля явно заострился, – вы говорите об этом так, как если бы вам лично нанесли оскорбление.

Арри смешался.

– Я здесь неподалеку живу, я вижу Храм каждый день, и я думаю... – он с ужасом понял, что мысли его перепутались и застопорились.

Главный служитель Храма словно не замечал неловкости собеседника.

– Вы живете вблизи святилища?

– Да, напротив, во дворце.

– Вы там служите?

– Нет... я... сын короля.

Очень легко колыхнулись ресницы предстоятеля, или так показалось, а в душе Арри задрожала тихая радость. Похоже на то, что сейчас происходит невообразимое: Досточтимый воспринимает его, реагирует на его сообщение; он, несведущий мирянин, сумел каким-то образом привлечь его внимание, возможно, даже заинтересовать.

После небольшой паузы светоч мудрости начал прояснять замутненную ситуацию:

– Я хорошо представляю себе истоки вашей тревоги. Как могло случиться, что в обитель проник шпион? Этот вопиющий эпизод ранит ауру Храма, колеблет его самостояние, врезается клином в сферу его законченности; осколку суеты удалось посягнуть на нерушимое величие. Давайте сначала разберемся с дефинициями. Шпион – так называют посланцев вражеской стороны, не так ли? Но мы ни с кем не ведем войну и не вступаем в дружбу. Любопытство не самый неприглядный из отягощающих народонаселение пороков. Многие склонны верить нелепым басням о религии Верховного Бога и жаждут разоблачений. Агрессивная назойливость непрерывно бьется о стены нашей твердыни, и нам кажется целесообразным изредка допускать некоторых просителей на недолгий срок в библиотеку, разумеется, при соблюдении всех необходимых в таком случае ограничений. Гость, проведенный у нас месяца два, заскучал уже через неделю, и он без сожаления ушел бы, но, вероятно, был связан обязательством. В какой-то мере городское любопытство будет утолено, накал нездорового интереса смягчится. Хотя я не уверен, что такие жесты вежливости с нашей стороны идут во благо обители, и не исключено, что мы откажемся от подобной практики в будущем.

– Так вы с самого начала знали, что этот мнимый ученый вас обманывает?

– Мы знали, что это человек суетный, движимый праздными побуждениями, и что он не в состоянии увидеть святилище.

Арри осмелел.

– А навещают ли вас люди, которые способны видеть?

Поперечная морщина на лбу предстоятеля на долю секунды вздрогнула.

– Вы умеете задавать вопросы. Отвечу односложно, без пояснений: редко. Очень редко. Кто-нибудь из вашего окружения разделяет ваше отношение к Храму?

– Никто, – Арри слегка покраснел, – скорее наоборот. Хотя, – он помедлил, – у меня есть учитель философии, это он сообщил мне о разведчике, умный человек, который многому меня научил. Его отзывы о святилище в последнее время часто нелестны, но я чувствую, что он выражает не то, что думает, и мне непонятно, зачем он так поступает. Иногда мы рассуждаем о месте Верховного Бога в пределах, очерченных интеллектом, и подчас приходим к выводам, которые нас настораживают...

Неловкий принц и начинающий философ, застигнутый новой волной смущения, замолчал, отведя глаза от предстоятеля. И вдруг этот исполин, этот волшебник произнес невозможное:

– Я доверю вам тайну Храма. В миру ее никто не знает и не должен знать, вы будете единственным ее обладателем.

Услышанное сковало рецепторы юноши. Неужели Досточтимый заявляет это ему?! Не дожидаясь отклика, глава беспримерного ордена продолжил:

– Наше святилище известно как Храм Верховного Бога. Тайна заключается в том, что в обители никто не говорит «Верховный Бог», мы говорим просто «Бог». Вам не нужно демонстрировать мне свою реакцию, вы не в состоянии теперь адекватно отозваться. Однако в дальнейшем, думая об обители, иногда вспоминайте наш диалог; это не поможет вам добраться

до какой-либо сути, но придаст вашим мыслям определенную направленность. Я полагаю, сейчас нам можно расстаться.

Он едва различимо, как скупое осеннее солнце, улыбнулся и встал. Обескураженный принц тоже поднялся. Десяток шагов они прошли вместе, затем предстоятель остановился.

– Как вас зовут?

– Арри.

– У Храма есть поборник по имени Арри.

Ледяная искра мелькнула в пустыне под веками, и предстоятель повернул в другую сторону.

Не помня себя, молодой человек дошел до дворца, сказал прислуге, что ему нездоровится, чтобы его никто не беспокоил. Все его психические группировки встрепенулись и были готовы взлететь, он суетливо ходил по комнате, садился, резко вставал и не мог долго оставаться в одной позе, вливание чего-то огромного давило грудную клетку, сознание то меркло, то слишком ярко озарялось. Несколько часов прошли в экстазе, но они как будто сплывались в единый миг. Когда стены помещения сникли в темноте и окна заволоклись дымкой, дежурный инстинкт глухо возвестил, что пора ложиться в постель. Арри повиновался, но напряжение не спадало. Сон был неглубоким, он несколько раз вскакивал, жар обрывисто сменялся ознобом...

Вернувшееся в подчиненные ему сферы дневное светило стерло остатки лунного наваждения и тонкими, цепкими лучами расставляло вещи по своим местам. «Все проходит», – в который раз засвидетельствовал очнувшийся монарший сын. Бремя нахлынувшего счастья, подорвавшего обычную атмосферу, заметно полегчало, все компоненты его сути поднялись на новую ступень и обрели сравнительную устойчивость. В мельчайших деталях припомнилась беседа с Досточтимым. Теперь стало понятно, почему его захлестывал стыд по дороге в обитель: он должен был видеть то, что лежит на поверхности. Это же такая явная бессмыслица – неопознанный лазутчик в Храме. Это учитель сбил его с толку нелепым известием, но тем самым он подтолкнул его к судьбоносному событию. И как прекрасно все состоялось! Его не корили за наивность, напротив, ему доверили тайну, о которой он пока не в силах размышлять. Предположить с большой вероятностью можно было только одно: если они не называют своего Бога Верховным, а просто Богом, то значит, он для них – единственный. В памяти снова отчеканилось лицо предстоятеля: оно вне вербальных и всяких других дефиниций, это оболочка, стерегущая свои недра, неотчуждаемая принадлежность Храма...

Арри вдруг стало жарко, внезапная догадка ошпарила мозг: доверенная ему тайна важна не сама по себе, а как знак, как знак того, что его заметили и сделали шаг навстречу. Как же это понимать, о боги?! Неужели? Неужели он может надеяться? До сих пор его желание вступить в обитель оставалось фантастической грезой, служители казались ему уже-не-человеками. Он не мог вообразить, как он посмеет заявить им, что хочет войти в их братство. И вот совершился перелом. С этого момента, с момента обретения надежды, начался новый отсчет времени.

Учитель философии, подметив приподнятое настроение Арри, не очень удивился, неприличные штрихи все чаще проступали в облике его взрослеющего ученика. Почему-то ему стало неприятно. Он ни о чем не спрашивал, видел по состоянию молодого человека, что тот немедленно все выплеснет наружу. Так и случилось. Без всякого предисловия принц изрек с явной безапелляционностью в голосе:

– Никакие разведывательные операции в Храме невозможны, как нельзя мерным сосудом измерить океан.

Учитель помолчал, вздохнул.

– Скорее всего, так оно и есть...

– Вы хотели меня подразнить?

– Похоже на это... Но лишь с одной стороны... Вы, очевидно, побеседовали с кем-то в обители? – догадался мудрец.

– Да, – подтвердил Арри, и глаза его заискрились.

Наставник, верный друг и союзник, был усталым и печальным. Арри стало жалко его, но ему не приходило в голову, что можно сказать теперь, когда самого захлестывает воодушевление. Учитель преоцудтил совершившееся.

– Вас кто-то осчастливил. Несомненно, там, в Храме. Я просто не представляю, кому еще это по силам. А мне сегодня нездоровится, я ведь далеко не молод, но с юношами сложно обсуждать стариковские болячки. Я покину вас. Да вижу, что это и кстати. Вряд ли я способен сейчас разделить вашу радость.

...

Невеселые раздумья часто обуревали философа в последнее время. Он почти исчерпал свою земную участь, но надо как-то дожить и оставшийся срок. Трудно ему будет после Арри обучать кого-то другого. А этот не царственный принц уже взрослый, и учитель чувствовал, что с каждым днем все больше и больше теряет его, сильнейшую привязанность на своем веку. Никого он так не любил, как этого мальчика. Что ж, расставание – необходимое завершение всякой встречи, но Арри удалялся слишком быстро, слишком поспешно отказывался от навязанных ему горизонтов.

Испивший немало горечи, отточивший и закаливший свой характер пожилой человек знал, что философ он лишь наполовину, что его зависимость от мирских обаяний намного прочнее, чем это допускает любовь к мудрости. Духовная сосредоточенность ученика и раньше его озадачивала, теперь же она принимала катастрофические размеры. Красивый юноша, отлично развитый, здоровый королевский сын, которому даны все блага, казался воплощением бестелесности и апатии. Ученый вспоминал, как бурлили в нем самом когда-то соки молодости, как, уже захваченный метафизикой, но также очарованный кодами жизни, взбалмошностью фортуны, он старался обузывать палящие инстинкты, не слишком увлекаться хрупкими прелестями. Арри же нечего было смирять, все соблазны существовали для него лишь в теории, атрибуты биологической особи наличествовали как будто для декорации. Пытаясь пробудить в нем интерес к какому-либо аспекту человеческой активности, отвлечь его от чрезмерной рефлексии и тем самым продлить хоть на считанные месяцы их дружбу, учитель то и дело терпел досадные неудачи, злился и повторял истертые азбучные истины.

– Нельзя же жить одними идеями, – произнес он как-то пресную, банальную фразу.

– Почему? – спросил Арри.

Действительно, почему? Что он говорит такое...

Ученик хмуро осведомлялся:

– Почему можно и даже нужно посвящать себя политике, семье, забавам, а вот идеям – нельзя?

– Потому что это, как правило, плохо заканчивается, – отчеканил рассерженный учитель еще одно ходульное выражение.

– Под «плохо» тут явно подразумевается финиш, который неизбежен в любом случае. Кто знает, каков он, плох или хорош, или субстанциально иной? Где основания для какого бы то ни было утверждения? Вспомните, что вы мне сами говорили о смерти.

Возразить было нечего. Юноша невесело рассмеялся.

– А вы становитесь похожим на моего отца. Не подкупил ли он вас?

– Не можете же вы на самом деле так думать?!

– Нет, конечно, я пошутил. Ну а вы? Не можете же и вы всерьез требовать, чтобы я отказался от структуры своего интеллекта и заменил ее другим способом воззрения? Как будто это плащ, который можно выбросить, облюбовав новый. Не я творец моих убеждений, и у каждого они – врожденные. Вы понимаете это не хуже меня. Я не считаю себя вправе исследовать процессы вашей психики и выяснять, почему вы так неуклонно стали изменять себе. И если для этого есть причины, то что могу сделать я?

Поистине, что мог привнести в хаос его поникшей души молодой мыслитель, весь – олицетворение минуса и вопроса, весь – уже укутанный своей далью. Парадоксально, что этот оторванный не только от своего сословия, но и от почвы принц был более других восприимчивым к окостеневшим или мимолетным явлениям природы. Иногда он восхищенно указывал учителю на изысканное очертание валуна или бархатные волокна цветка, он умел подмечать кружева ряби на воде, капризные завитки выющихся растений, желтоватые разводы в глине или шелковистость марева. Но иногда он совсем не видел обстановки и мог заблудиться в знакомой местности. Как-то пожилой мудрец в пору майского благоухания, почувствовав обострение эмоций, заметил ученику, что с живой красотой не сравнится ничто. Арри, оставаясь невозмутимым, парировал:

– Я не сравниваю. И, понимая ваши намеки, не соглашусь, что красота формул хуже красоты лилий, что мир символов менее реален, чем разлагающиеся в земной пыли предметы, а жизнь, мало привязанная к трепыханиям быта, – ущербна.

– О нет, я не имел в виду, что ущербна, – возразил учитель, – я просто хотел вам напомнить, что существуют вещи, которыми не стоит пренебрегать.

– Я попробую не выходить за рамки обычной логики, – сухо резонерствовал Арри. – Ни один человек не в состоянии охватить своим вниманием все. Политик игнорирует искусство, пахарь не возводит башни, матери семей хлопочут у очага, а не овладевают стрельбой из лука. Каждый подвластен собственному зову или провидению, и я тоже имею право на свою стезю, какой бы странной ни казалась она другим людям, при условии, что я не наношу им вреда.

– Вы имеете право. Но, говоря об общественных устоях, не забывайте, что они вам известны главным образом из описательной литературы, вас никогда непосредственно не касалась народная стихия. Конечно, вы очень начитанный и проницательный юноша и знаете многое из того, что происходит вне монаршей резиденции. Но только теоретически! Вам никогда не угрожали напрямую драматичные коллизии долженствований и искушений действительности. Сколько боли в этих нешуточных играх, но и радости тоже!

Арри закрыл глаза и улынулся:

– Боли... – выдохнул он. – Я уверен, что боль пронзила меня в момент моего рождения как естественная реакция на пороге чужого и страшного мира; и она, не утихая, длится. Если угаснет боль, то это может означать только одно: кого-то уже нет – или меня, или этой вселенной...

Учитель промолчал.

В атмосфере все по-прежнему двигалось и как будто ничего не менялось: неустанно сновали неприкаянные ветры, попеременно обливались багрянцем восток и запад, заученно маршировали по натоптанным колеям стандартные реалии. Философ вяло, но регулярно продолжал нападать на ученика, почти всегда проигрывая словесные поединки. Принц все больше замыкался в себе и отдалялся. Недоразумения в их отношениях усугублялись и грозили полным разрывом, это тяжело было сознавать обоим, и каждый не знал, что предпринять и нужно ли вообще что-либо предпринимать. Уставший мудрец понял, что прозвучал час необходимости и пора покидать обжитые углы. А Арри все глубже затягивала его стихия. Сверхсенсорика улавливала доносившуюся отовсюду беззвучную осанну Богу, которому воздвигнут неправдоподобный, обжигающий пространство Храм. И его выслушали с благосклонностью

в этой святине! Распаясь от кипучих переживаний, он почти совсем перестал реагировать на бывшего товарища по убеждениям, но тот был назойлив, и утомительное общение длилось, как ноябрьская морось, которой не видно конца.

Однажды в ходе изнурительной дискуссии взгляд Арри непроизвольно дольше обычного задержался на лице философа, и оно ранило его: с какой нещадностью заштриховывают морщины знакомый до мелочей лик, как посерели, ушли вглубь и насквозь пропитались грустью глаза! Повзрослевший ученик взял учителя за руку, предложил совершить прогулку и отвел в окраинную, увитую зеленью беседку. Влекомый неотчетливым душевным порывом, по дороге он еще не знал, о чем будет говорить; он бережно усадил старого человека на скамью, и слова нашлись сами собой:

– Вы всегда были для меня больше, чем учитель, вы были моим единственным другом, собеседником и сообщником, и я благодарю Бога... или богов за то, что состоялась наша встреча. Как никто из учителей, вы развивали мой рассудок и будили разум. Мы вместе взбирались на вершины метафизики, блуждали и срывались... Мы подтрунивали друг над другом, иногда даже язвительно, но это не затрагивало наши отношения; то высокое, что нас соединяло, оставалось нерушимым. Конечно, мы не во всем были согласны, такого и нельзя достичь на земле, где индивид слагает свою самость из только ему присущих компонентов. Перед каждым из нас – личная безраздельная перспектива, и все же мы могли плодотворно обмениваться идеями, упованиями и тревогами. Однако теперь вы заговорили совсем иным, чужим мне языком, вы чем-то чрезвычайно озабочены и безвкусно морализируете. Я сожалею, если я тоже невольно послужил причиной этому, и позволю себе спросить: почему вы пытаетесь преодолеть себя и изрекаете вымученные сентенции, не принадлежащие вашей сути, принося тем самым боль и мне, и себе самому.

Сердце философа укутала терпкая пелена. Действительно, почему бы и не поговорить на эту тему, зачем он сам убивает долготлетнюю честность в их отношениях. Арри все поймет.

– Спасибо вам за ваше внимание, – тихо сказал ученый и немного помолчал. – Эту беседу должен был инициировать я как более искушенный в изворотах и перипетиях планиды, но вы и тут оказались мудрее. Я думаю, с чего начать. Выслушайте меня и постарайтесь, насколько можно, объективно оценить мое положение, потому что мы с вами разные люди. Главное различие заключается в том, что я не подлинный философ, немалая часть моего существа пленена бранными вещами, я это понимаю. Вы же, Арри, – как бы и не творение природы, а явление универсума. Не улыбайтесь, я знаю, о чем говорю. О, вы достойно разбивали мои жалкие силлогизмы моим же способом: в самом деле, почему вы не имеете права быть тем, кто вы есть? Так вот, мой друг, можно считать, что вас нет... Я как-то не так формулирую... Просто вы для меня образец, идеал, квинтэссенция человечества, но идеалу нет места в рубежах нашей задымленной ойкумены. Парадокс в том, что вы существуете. Я заметил, что с некоторых пор вы чаще произносите «Бог», а не «боги». Конечно же, вы имеете в виду Верховного Бога из ошеломляющего Храма. Храм тоже разделяет нас. Жестокая в своей бескомпромиссности святыня приняла вас, а меня нет... Теперь непосредственно к вашему вопросу: что со мной случилось? Представьте себе пожилого человека, неглупого, несколько тщеславного, который долго учил детей высокопоставленных особ, и это ему льстило. И вот этот наставник приглашается ко двору могучей сверхдержавы и в лице одного из принцев находит не заносчивого аристократа, не самонадеянного баловня судьбы, даже не ребенка, а идеальный пример беззаветного движения навстречу Абсолюту. Этот мальчик просит забыть о его титуле, предлагает для решения неразрешимые задачи, вызывает иногда переполох у всей родни. Между воспитателем и подопечным завязываются и крепнут неформальные отношения, оба дорожат дружбой, создают для себя вселенную, где безбоязненно могут развиваться самые эксцентричные отростки и мутанты мысли и духа. Но время торопится, все земные миры рушатся (таков их удел), и с определенного момента учитель стал замечать, что никакой он не учитель больше,

что ученик оставил его позади и отдаляется с каждым днем. Старик в панике, любыми способами он старается удержать юношу подле себя, потому что любит его. Но он знает, что его усилия – тщетны, что молодой человек вот-вот сделает последний шаг и станет недосягаемым. Тот, кто назывался философом, сторбился под бременем забот и пытается повернуть время вспять. Вот что происходит со старым человеком, дорогой ученик. Да, я уже стар, и все системы организма поддаются упадку. Моя карьера – тоже закончена, я вряд ли смогу с кем-нибудь заниматься после вас... У меня скопились средства, на которые можно купить небольшой собственный дом, но я с трудом представляю, как сумею в мои годы обосноваться в новой непривычной обстановке...

– Вы слишком суровы к себе, учитель, – резюмировал Арри, воспользовавшись паузой. – Из нынешнего жилища вы никуда не уйдете, вам не нужно больше преподавать, и не мучьте себя раздумьями о переезде. Не буду лукавить, пока я не знаю, каким образом я это устрою, но я обещаю. Что же касается всего остального, то вы обрисовали ситуацию однобоко, со своей позиции, а я хочу внести полноту и добавлю, что наша дружба была мне более дорога и необходима, чем вам. У вас были другие ученики, приятели и знакомые среди академиков и жрецов, а у меня кроме вас не было никого, кто бы воспринимал меня адекватно. Конечно, такая хрупкая вещь как взаимопонимание может в любой момент дать трещину или вовсе разбиться, теперь мы оба вполне убедились в этом, однако векторы наших духовных устремлений пересекались, тут нельзя обмануться... В отрочестве меня потрясли ваши непомерные познания. Вы делились со мной даже сомнениями, чего прежде, по вашим словам, никогда не делали.

– Мне это доставляло отраду, я впервые почувствовал настоящий интерес к тому, что думает о моих суждениях ученик... Мне неловко повторяться, но вы мало похожи на единицу человеческого рода, Арри. Вы скорее уравнение, символ, призрак. Несмотря на то, что все пять чувств у вас нормально развиты, вы словно нехотя пользуетесь ими, как будто у вас в запасе есть нечто иное. Вы не мечтали в детстве о военных победах, об открытии волшебных гейзеров или о добыче сокровищ?

– Нет, – равнодушно ответил принц.

– Но ведь это не естественно для существа, зреющего в тенетах Ра.

– Служители Храма тоже еще не вырвались из этих сетей.

– Ах, служители, – с горечью воскликнул старик, – неизвестно, откуда они и кем были раньше, но лично вам, дорогой, необычайно повезло, что вы так счастливо родились. Бесспорно, вы осведомлены, что мировые процессы напитаны агонией и кровью, что повсюду свирепствуют нищета и болезни, но вы не испытали на себе ни тягот рабского труда, ни голода, ни неуверенности в завтрашнем дне, вы никогда лицом к лицу не сталкивались с народом.

– О нет, – возразил Арри, – я имею иногда возможность наблюдать в Храме простых людей. Видно, что они совсем другие, и почему-то они мне нравятся гораздо больше, чем придворные. Я не несу ответственности за то, что родился в царствующей семье, а не в крестьянской или пастушеской. Может, мне было бы приятно пасти стада, играть на дудке и перекликаться с эхом... Хотя я не думаю, что это в значительной мере повлияло бы на качество моего существования.

– Как же вы видите свое будущее? – философ решил наконец спросить напрямую.

– Я смею уповать на то, что стану служителем Верховного Бога.

– У меня появлялись такие догадки. Как это возможно для вас? Король будет противиться.

– Я ничего не знаю пока, но вне Храма я не вижу для себя прибежища. Он был для меня опорой уже в раннем детстве. Когда мне непрерывно твердили, что я должен что-то обязательно выполнять и именно так, а не иначе поступать, то Храм смеялся, как бы заявляя, что все эти долженствования – не более чем дыблящиеся пузыри в лужах. Он словно вобрал

в себя то, что не имеет применения на планете, но является наиважнейшим. И еще... он всегда казался частью моей родины...

Ученый недоуменно посмотрел на собеседника. Тот немного помешкал.

– Мы с вами не раз говорили о том, что люди умеют уютно устроиться внутри заданных зависимостей и, не допуская ничего иного, считают это состояние единственной реальностью. Это их дом! В то, что вокруг меня подлинное бытие, я бы не поверил ни при каких обстоятельствах, но так распорядились вышние силы, что великая твердыня постоянно укрепляет мои убеждения. Я, хоть и невнятно, ощущаю поддержку сингулярного объекта. Неуловимыми штрихами Храм зачеркивает все естество, а в его абстрактных выплесках мне чудятся сигналы с родины. У меня тоже, я полагаю, должна быть отчизна... А может, и нет... Может, ее нигде нет...

Юноша помрачнел и замолчал.

– Было бы смешно, Арри, с моей стороны, пытаться утешать вас и вселять какие-то надежды, я не настолько глуп. Что касается меня, то я также не придаю большой ценности подлунным ажиотажам и антуражам, но в целом этот мир для меня все же не пропал.

– Он висит в нигде и пропадает ежесекундно.

– Но и возрождается!

– Для чего? Чтобы сильные поедали слабых, а затем и сами отправлялись в глотку молоха?

– Арри, не только для этого. Параллельно идет подспудная эволюция, и глубинные толчки непостижимой динамики надрывают эмпирику. В каждом явлении есть что-то помимо того, что оно есть.

– Трудно не согласиться. Но мне часто кажется, что громче всего о себе заявляет Ничто. Нет таких изворотов логики, такого подъема вдохновения, таких органов восприятия, чтобы на него реагировать. Но каким же неизъяснимым способом дает оно о себе знать? Вот еще один парадокс.

– Вы надеетесь распутать его в Храме?

– Конечно, нет. Мы неоднократно поднимали схожие темы. Истина не поддается ни зрению, ни умозрению, нужно перешагнуть поле видимостей под эгидой вышней воли. При этом возникает закономерный вопрос: что останется от личности, совершившей такой переход, не исчезнет ли состоящий из иллюзий человек вместе со своими иллюзиями? Вы сказали, что в каждом явлении есть нечто сверх его самого. А в Храме пульсирует слишком много того, что сверх...

– Я не могу анализировать ситуацию, используя ваши категории, мои умозаключения о святилище – более стесненные и приниженные, а зачастую я воспринимаю его на уровне эмоций и сокрушаюсь от факта, что этот баснословный гигант никогда не снизойдет до знакомства со мной.

– Сложно в этой связи что-нибудь посоветовать.

– Все очень просто, Храм не принял меня.

– У вас свое предназначение.

– Свое... Мой стоицизм увядает, дорогой друг. Вы отчасти успокоили меня, пообещав житейскую стабильность на старости лет, а настоящий покой только у покойников. Но и относительный я ценю высоко и пытаюсь уравновесить разноречивые склонности моей натуры. Вспомните, Арри, ведь бывали достойные рыцари метафизики, или все равно как их назвать, которые выражали себя и в общественной деятельности, некоторые даже имели семьи. Эта их ипостась была, несомненно, ущербной, и тем не менее...

– Я это вполне допускаю, – согласился принц, – почему бы и нет? Подлинный масштаб индивида не определяют формы бытового уклада. Положим, он вынужден лепить горшки или заседать в комиссиях, склонен к огородничеству или атлетике, в любом случае его корневая

самость остается незатронутой. Ни наличие родственных уз и компонентов социальности, ни их отсутствие не могут оказать влияние на безраздельное состояние личности. К одиночеству нельзя прикоснуться.

– А вам добропорядочное светское обустройство не импонирует?

– Ничуть. Вы спрашивали, что я надеюсь обрести в обители, и я не нашел ответа. Теперь на новом витке наших рассуждений могу заявить: в Храме я в первую (или в последнюю) очередь ищу спасения от любого семейного и гражданского статуса на планете.

– Для вас никакой не приемлем?

– Никакой.

– А у меня, Арри, иногда случались неуклюжие рывки навстречу манящей,пряно пахнущей сумятице. Я всегда был одинок и вне милости. Я понимал, что это удел знающего, и мне было лестно считать себя таковым. Но тихая внутренняя тоска порой накалялась, и тогда казалось, что ее мог бы унять добрый приятельский жест, если бы кто-нибудь, например, спросил, как я себя чувствую. Это никого не интересовало, никому не хотелось ни развеселить меня, ни предложить мне помощь, я был только учитель, о котором забывают сразу же, покинув учебную комнату. Разумеется, во мне было достаточно мужества, чтобы в таких условиях жить дальше и жить достойно, но подчас грубая и знойная радость дышала где-то совсем близко, и росло желание хоть немного к ней причаститься. И я находил ее: в музицировании, в стакане вина, в магнетизме летней ночи, в дискуссиях с эрудитами, флирте с женщинами, но полного удовлетворения не было никогда, и я грустил и завидовал первому попавшемуся малому со счастливой улыбкой. Хотя, с другой стороны, я был доволен, что не втянут в грандиозное и одиозное коловращение. Вам не знакомы такие разнонаправленные порывы?

Юноша немного подумал.

– Мне нет. А в общем, земные создания безотчетно тянутся к радости. Дальние миражи счастья – главные стимулы жизни. А подлинное чудо – Храм – не питает ни одной иллюзии, уже на подступах к нему цепенеют житейские мечты и желания.

– Но может ли вмещать ваше сердце хоть что-нибудь похожее на человеческую симпатию? Помните ли вы, например, вашу сестру Лию? Вы не обращали внимания, когда она изредка входила к нам и оставалась до конца занятий. Я, конечно, не мог закрыть доступ в учебный зал такому прелестному дитяти и скажу откровенно, я жалел, что девочкам не преподают философию, я учил бы ее с большим удовольствием, чем вашего брата. В принцессе что-то было.

Арри оживился.

– Конечно, я помню Лию, и вы справедливо заметили, что в ней что-то было, точнее, чего-то в ней было много, я не успел ее толком разглядеть. Я вас удивлю: уезжая, Лия предрекла, что меня примут в обитель. Я верю ей. Видно, потому, что очень хочу верить.

Вторую часть ее предсказания Арри не стал оглашать.

– Какая прозорливость!.. Я вряд ли еще увижу вашу сестру, и вы меня скоро покинете. Проблески счастья недолго витают в нашем роковом климате, их безжалостно и бесследно зализывает вечный туман.

– Вечный туман – это поэзия.

– Не замечал, чтобы вы были настроены против поэзии.

– Нет, она внесла положенную мне в жизни квоту отрады. Я любил наблюдать превращение словесной материи в бескорыстную одухотворенность.

– Да... Только такого сорта любовь вам знакома. Смею вас заверить, она имеет мало общего с той одержимостью, что движет род неунывающих смертных по его стезе.

– Возможно, учитель, я на самом деле разбираюсь в этом плохо. Мне твердили, что меня все любят, не переставая досаждают мне.

– С вами сложно развивать эту тему, потому что вы – вне традиционных связей. Я тоже немало докучал вам своей любовью... В последнее время мои умственные брожения усугублял страх о завтрашнем дне, о стариковском прозябании, исполненном ненавистных хлопот. Вы пообещали мне тихий закат, и мои ментальные установки возвращаются в свои диапазоны. Моя болезненная привязанность к вам тоже успокаивается. Мои страдания или иные проявления моей сущности я не смогу до вас донести. Ничьей вины в этом нет.

– Несмотря на разнозвучие воль, мы тешили себя общностью высоких идеалов. Кое-какие основания для этого были и остаются, иначе наши взаимоотношения были бы невозможными. Но все-таки приходится признать, что все идеалы источают недоброкачественный аромат, они тоже вовлечены в фатальные процессы обращения всего шевелящегося в прах.

– На таком витке умонастроений нельзя долго находиться.

– Нельзя, дорогой учитель, и я сразу отступаю. И, вопреки полынному привкусу наших последних дискуссий, прошу поверить, что я вам бесконечно признателен. Наше противостояние никогда не станет враждой, и я надеюсь, что вы примете мою благодарность.

– Я принимаю и вас тоже за все благодарю, и больше всего за эту беседу. Как всякий любящий, я был слеп, а теперь мне со всей очевидностью открылась горькая истина.

– Горькая истина лучше сладчайшего заблуждения.

– Не смейтесь. То, что я осознал, разбуравливает мое сердце: я понял, что нельзя претендовать на вашу симпатию или дружбу. Вами можно восхищаться лишь на расстоянии, вы никого не подпустите слишком близко. Ваша приязнь несказанно мне дорога, но она поверхностна, и это не то, чего я ожидал. Любимые ученики почти всегда преодолевают своих учителей. Но я не могу, подобно другим воспитателям, выразить надежду: ты далеко пойдешь, мой мальчик, тебя ожидает громкая слава. Вряд ли у вас будет слава, Арри, и я не знаю, что именно вас ожидает, и мне тревожно.

– Я легко могу прослыть, – глубоко вздохнул принц, – осквернителем морали или вовсе преступником. Хотя из истории нам доподлинно известно, что упорные одиночки, не принявшие мир в целом, никакого реального преступления не совершали. Как раз наоборот, бесчинства творят те, кто разглагольствует о благочестии и добродетели. Каждый неправедный судья заявляет, что руководствуется законом и правдолюбием, каждый тиран утверждает, что казнит невинных для блага народа и процветания государства. Подданные, закрепощенные привычкой и обстоятельствами, делают вид, что верят им, или, реже, верят на самом деле, власть имущим многое прощается. Непримируемую ненависть с жадной жестокой расправы вызывают именно те, кто проповедует истины чистые, не связанные с обыденной корыстью. Я провижу причины этой ненависти, и если мои допущения верны, то она, к сожалению, неустранима. Мне тоже тревожно. И не только за себя.

– За Храм, я полагаю. Вас никогда не подавляла его глухая и полная затворенность? Я признаю, что все подлинно высокое часто обрастает злобными и глупыми баснями. Но я слышал от весьма почтенных лиц, что в обители нечто тщательно скрывается. Что именно? Согласитесь, что эссенции тайны в святилище не выветриваются.

В памяти юноши волнами прокатились публичные выступления служителей, четко всплыла его недавняя беседа с Досточтимым, и он произнес:

– Да. Но эта тайна вытекает из родников самого бытия, она не похожа на заговорщическое укрывательство.

– Я не буду спорить, тем более что не в состоянии. Но что же мне делать, Арри? Вы помните мои неоднократные резкие выпады против святилища Верховного Бога. Теперь могу прямо сознаться, что это происходило от неразделенной любви к нему. В тяжелые периоды жизни жребий служителей казался мне не только священным, но и очень завидным. Счастливицы! Их не гнетут никакие заботы, над ними не тяготееют ни обязанности, ни законы, они никому не подчиняются и никого не боятся. Каким блаженством было бы дожить свой век

в этой обители! Однако я не дерзнул подать прошение о вступлении в братство; во-первых, потому, что некая сила внутри меня восставала против этого шага; во-вторых, и это самое главное, я был уверен, что меня не возьмут. И еще меня отпугивала мертвенная окаменелость в глазах служителей. Вы совсем не наблюдательны в быту, дорогой ученик, но, я полагаю, вы с утроенным вниманием улавливаете все константы и метаморфозы святилища. Заметили ли вы, что лица слуг Верховного Бога как бы затянуты непрозрачной пеленой? Они всегда приветливы и умеют улыбаться, но эти улыбки – приглашение в пропасть, а от их учтивости, как говорится, ни жарко, ни холодно. Нет, скорее холодно.

– Я заметил, что любое движение их мимики подернуто незыблемой статичностью. Служители – в каком-то аспекте продолжение Храма, его флаги и эмблемы, да, их безучастность ни на что не похожа.

– Вы это спокойно констатируете, – сокрушался философ, – потому что вы уже на пути к высокому предназначению, вы услышали зов. Вас позвали. Меня нет. Я тяжело пережил свою несостоятельность.

После небольшой паузы Арри спросил:

– Вы пытались обсудить ваши душевные метания с кем-нибудь в обители?

– Конечно. Для меня было очевидно, что не все мое существо принадлежит Храму, но я ожидал от него шага навстречу, я считал, что он должен помочь мне преодолеть мою косность. Наставлявший меня служитель был любезен. Он убедительно и с тактом, присущим лишь адептам Верховного Бога, старался донести до меня, что их святилище – это только один акт небесной воли, которая бесконечна. «Мы отдельная ступень на пути к неизбежности, – говорил он, – и существует много других манифестаций духа и способов его развития. Все они равнозначны нашему и несовершенны, как наш. Вы грезите о сплочении с Храмом, но боитесь нарушить дистанцию, его притяжение никогда не захватывало вас целиком. А между тем никто не отменял ваш собственный удел, лишь ваша галактика питает вопросы и запросы вашего эго и готовит их решение». Он рассуждал в таком ключе, говорил прекрасно, и, признаться, я был в тот момент безмерно благодарен ему, я принимал его доводы. Но позднее, когда улетучилась дымка магического храмного обаяния, мне стало понятно, что меня просто вежливо вытолкали.

– Вряд ли этот вывод правильный.

Ученый замолк, поддавшись новому приступу удручения. В воздушном массиве тихо переливались оттенки июльской ясности. Теплый ветерок слегка взъерошил курчавую зелень, цветы суматошно раскланялись и вновь застыли в изящных позах. На мгновение у Арри возникло страстное желание онеметь навсегда, не быть вынужденным производить значащие звуки. Но пока он – пленник фатальной динамики, а рядом – друг по несчастью страдает и ждет помощи. Что может дать одинокому нищему другой нищий? Только продемонстрировать свою добрую волю.

– С одной стороны, – заговорил Арри, – вам не дано безусловно принять Храм, а с судьбой можно только смириться. С другой стороны, в его огневых семантиках вы различаете светосилы истины и хаотично к ним порываетесь. Но разве Храм – абсолютное вместилище истины? Уймите свою обиженность, ведь на более высоком уровне вы сознаете, что получили верную рекомендацию. Вам не стоит мучительно одолеваять разлад со святилищем, надо скоординировать свои «да» и «нет» и обрести устойчивость, насколько это возможно в нашей построенной на относительности мер Вселенной.

Философ молчал.

– Мне не легче, чем вам, – продолжал принц. – Вы считаете, что у меня есть привилегии, что Храм уже осенил меня своей благосклонностью. Все гораздо сложнее. Для меня этот объект священен и безальтернативен. Но есть ли среди возможных даров Храма хоть один,

приносящий подлинное удовлетворение? Я не знаю. Я ничего не знаю, тут мы с вами в одинаковом положении.

– Вы бежите от будничности. Самодовлеющая крепость рисуется вам вожделенным местом, так как почти ничто житейское и тривиальное туда не проникает. Но ведь не только поэтому стремитесь вы к изоляции за крылатыми стенами?

– Не только... Конечно, более чем отрадно обитать там, где тебе не грозит подневольное участие в сумбурных акциях, состязаниях и парадах. Однако это не самоцель. Устранение обыденной маеты не решает ни одной проблемы духа, они неизменны при любых обстоятельствах, и я убежден, что ни истина, ни блаженство, ни развязка болевых узлов не совместимы с подлунной долей в рамках очерченных для нее горизонтов. Храм – это непонятный и немолчный призыв моей родины, моей отверстости в душе, стимулятор моей потаенной и от меня не зависящей тяги к тому, что меня превосходит. Я не могу предположить, какие обретения ждут меня на моей стезе и ждут ли вообще. Мы постоянно что-то снискиваем, чтобы потерять. В детстве и отрочестве для меня эталоном были вы. Потом, как выяснилось, мы поменялись ролями. И теперь, возмужав мыслью, мы можем посмеяться над этими заблуждениями.

Губы пожилого человека шевельнулись, но не издали ни звука, лишь в глазах мелькнуло тревожное замешательство.

– Да, – тихо улыбнулся Арри, – мы разбили наши иллюзии, но не скорбим от этого, напротив, легко и светло прощаемся с пережитым этапом, так как не бывает полных утрат и все является моментом душевного созревания. Мы вынуждены и дальше наращивать упорство и отвагу, у нас нет выбора. Невозможно не откликаться на зов уводящего фатума, несмотря на то, что его траектории лежат между тупиками и бездной. Мы исчерпали нашу дружбу. Она, принеся благотворные плоды, трансформировалась; и было бы детским неразумием культивировать дешевую сентиментальность и с надрывом нагнетать дыхание в отмершее явление. Но с нами остается наша благодарность друг другу, опыт совместной духовной работы сохранится в нас навсегда, пусть и поддавшись диалектическому снятию. Сегодняшняя стадия в наших отношениях не потеря, а новое постижение друг друга, еще один шаг в сторону, пусть пока гипотетического, совершенства...

Философ не отвечал. Лишь слабая пульсация на усталом лице старика позволила Арри заключить, что его слушали. Надвигался вечер. Нежное солнце прошлось обмякшими лучами по головам собеседников, по вершинам холмов, подмалевало причудливыми зигзагами пруды и последним багряным пятном качнулось на краю небосвода. Два утомленных мыслителя тонули в голубой эмульсии сумерек. Мог ли кто-нибудь так интенсивно, всеми фибрами природы поглощать чарующие выплески лета, как эти иссохшие от абстрагирования, неполнокровные представители своего рода?..

Подступавшая отовсюду прохлада постепенно отрезвила обоих.

– Уже стемнело, – заметил ученый. Новые нотки явно сквозили в его голосе.

Молодой человек вдохнул всей грудью и вымолвил со смущением:

– Кажется, я слишком много говорил.

Преподаватель мудрости впервые улыбнулся, морщины на его лбу перестали сбиваться в пучки, взгляд наполнился пустотой, которая разбавила горечь.

– Как бы там ни было, беседа наша уже прервана, и я боюсь, что навсегда. Хотя это уже не столь важно. Максимы самостояния, до сих пор лишь смутно витавшие, активируются в моем мозгу с негаданной четкостью. Вы правы, тот прозорливый служитель не отверг меня, он анализировал мое положение со своей высоты. Я был слишком горд и обижен, ведь я ожидал простого объяснения, немедленной помощи, а мне дали понять, что помощь может прийти только изнутри моей самости, преобразуя навеянные обстановкой желания, обесценивая их и упраздняя... Все мои бедствия и неудачи – уже в прошлом, лишь последняя утрата еще

буравит краешек сердца, хотя уже приглушенно. Это вы, дорогой принц. Очень скоро внедряющийся в меня холод нейтрализует боль и растворится в покое. В покое уже не будет холода...

Учитель коснулся плеча любимого ученика.

– Пойдемте, все уже высказано.

– И мне представляется, что не зря.

– Вам правильно кажется, Арри.

Они побрели домой, старость и юность, отстранявшиеся друг от друга и чем-то вовеки связанные, сообщники-противники, разошедшиеся друзья, принявшие разлуку как новую ступень понимания.

Вскоре после незабвенного свидания Арри узнал, почему ему никто не докучает и он почти полностью предоставлен себе. События развивались так, что весь двор был поглощен ошеломляющей новостью. Из отдаленной провинции пришло уведомление о том, что она намеревается отделиться и стать независимым княжеством. Содержание депеши сводилось к следующему: обитатели провинции Прадос не желают поклоняться главному Богу империи, Богу без имени и облика, который не отвечает никаким канонам богословия. Надменные жрецы ослепляющего Храма притязают на верховенство, тщательно скрывая обряды своей религии. Их манеры и язык – ненормальные, и неведомо, чем они занимаются, отгородившись от общества и державных инстанций. Правящие круги Прадоса по требованию всего народа должны возвратить прежнее величие местным древним богам и защитить родные края от пагубного влияния возгордившейся твердыни. Благодетельные жители области ратуют за суверенность, чтобы чужой идол не маячил над священным наследием предков. Владыка Прадоса просит его величество короля назначить день обсуждения назревших проблем и надеется на благоприятный исход дела в пользу всего населения провинции.

Королевские чиновники с полным на то основанием ответили, что никакого повода для волнения у Прадоса нет. Храм Верховного Бога – непревзойденное достижение архитектуры, объект номер один в мире. Он служит благосостоянию всех граждан империи, в том числе и обитателей провинции, принося огромные доходы, а также является символом государства, его непреходящей славой. Иноземные зодчие, воздвигшие Храм, были первыми его служителями, и именно они раз и навсегда определили способ существования обители. Мастера, сотворившие невозможное, имели на это право. Однако учрежденные ими порядки и законы дальше святилища никуда не распространялись, никому не приходило в голову принимать всерьез теоретического и невнятного Верховного Бога. Не только в многочисленных землях монархии, но и в самой столице люди поклоняются древним, испытанным богам, отправляя, как положено, вековые ритуалы. Нескончаемые толпы любопытствующих стекаются в город, чтобы в первый или очередной раз восхититься чудным сооружением и при случае вкусить неудобоваримой риторики служителей. Однако речи адептов туманной религии ни в ком не поколебали веру в старых почитаемых богов, жертвенники в капищах курятся, как прежде. Все знаменитое обрастает легендами и вымыслами, не избежал этого и Храм, и зачастую разносимые о нем небылицы носят смехотворный характер. Трезвые же политики должны руководствоваться очевидными фактами. А факты таковы, что со дня основания обители ни один слуга Верховного Бога не был замечен в чем-либо предосудительном, никогда в их среде не разразился скандал, никто из них не посягал ни на мирскую власть, ни на мирской престиж. Даже выступая перед публикой, они говорят как бы сами с собой. По всей видимости, сакральному объекту такого рода требуются именно такие адепты. И если судить честно, то это они постоянно подвергаются нападкам жрецов, ученых и всех неугомонных, которые пытаются разоблачить их и их божество. Сами же служители никогда не выказывали враждебности к народным верованиям и никого не чернили, они не претендуют ни на что, кроме служения своей идее. Ни один гражданин империи не имеет никаких обязательств по отношению к Верховному Богу

или его Храму. Жителям провинции Прадос предоставлена полная свобода, и они могут беспрепятственно молиться своим богам и приносить им дары, как повелевают местные обычаи.

Письмо было длинным, убедительным и довольно справедливым. Несмотря на это, спустя несколько недель королю доложили, что в регионе неспокойно и правитель решительно настроен на обособление. Следовало хорошо подумать, какие меры предпринять. На успех официального послания надеялись мало, просто необходимо было соблюсти формальность. Обе стороны отлично понимали ситуацию, и Верховный Бог тут был ни при чем, его лишь использовали в качестве удобного предлога. Дело заключалось в том, что Прадос в последние годы стремительно поднимал экономику, чему способствовали обилие плодородных земель и самый удобный в империи порт. Чиновники провинции при возможности скрывали от столичных ведомств реальные доходы от торговли и пытались самостоятельно завязывать контакты с заморскими купцами. Разумеется, такого порта, такой прибыльной области держава не упустит. На что же надеется заносчивый наместник? Он не в силах бороться с мощной имперской армией. Чтобы утихомирить мятежников, было решено послать боевой отряд, и возглавить его вызвался отважный принц Рей. Он торжествовал. Само провидение уготовило ему такой случай, именно теперь начнется его карьера славного военачальника и мудрого властелина мира. Король не возражал, кампания была не рискованной, и все-таки он долго увещевал наследника, подозревая, что Рей попытается действовать по своей воле.

Младший сын принес государю новые огорчения, заявив, что ему решительно все равно, отделится Прадос или нет, но если жители края имеют такое намерение, то его следовало бы, по меньшей мере, рассмотреть.

– Как ты не соображаешь! – воскликнул король. – Жители тут мало замешаны! Это правящая верхушка провинции не желает больше подчиняться законному монарху и, обманывая народ, вовлекает его в бессмысленную бойню. В чем выиграют простые люди? Ни в чем! Более того, они проиграют, лишившись многих благ, которые дает им сильное и богатое государство. Зато правитель получит безграничную власть, и ради этого он подстрекает подданных к дурной аванюре, умело играя на религиозных чувствах и не только на них.

– Но ведь и для тебя с министрами благополучие населения Прадоса – на заднем плане. Обидно терять столь богатый регион.

– Ну, разумеется! – вспыхнул король. – Разумеется и это! Но почему ты высказываешься так, как будто упрекаешь меня? Ведь ты принц и в числе первых должен заботиться о процветании своей родины. Когда ты научишься мыслить как именитый гражданин великой империи?

– Никогда.

– Почему же?!

– Потому что к такой науке я совершенно не способен. Ты выкрикнул, что я ничего не понимаю. Это так, мне тяжело принимать всерьез напыщенные речи, секретные козни и хитрые махинации, кто бы их ни конструировал. Я не игрок в злокачественной возне, безыскусно прикрывающейся жалким пустословием. Можно долго обсуждать любую ситуацию и снабдить правотой каждую сторону, потому что и на поприщах и в побоищах все действия связаны и взаимообусловлены. Есть знатоки и любители выводить закономерности из событий, отыскивать центры тяжести, давать оценки и делать сенсационные переоценки. Меня это не занимает. Помнишь из математики: как ни переставляй слагаемые, сумма не изменится...

Король съезжился. Его разум, его нутро не хотели воспринимать тот устрашающий факт, что любимый сын – непредсказуемый чужак, а может, он просто сходит с ума. Этого не должно, не должно быть! Однако другие обстоятельства требовали сейчас более пристального внимания.

...

В столице шли приготовления к военному походу, обывателей переполнял гражданский пафос. Воины прониклись важностью момента и своей собственной, их обмундирование сверкало новизной, отличную выправку дополняли торжественные улыбки. Никто не сомневался в том, что столкновение предстояло не серьезное, большие опасности не угрожали. И все-таки дыхание войны опьяняло, заражало, на улицах зазвучали патриотические песни, знамена и штандарты поднимали настроение. И более всех был воодушевлен принц Рей. Но жаркие волны эйфории в его груди скоро начали ослабевать, странные жалящие иглы тихо шевелились внутри, умаляли доблестный пыл и душевную окрыленность. Подчас Рея охватывало неприятное чувство как будто натянутых нервов в теле, словно кто-то исподволь укрощает его существо, пытается подчинить себе. Это надо преодолеть! Он не инфантильный истерик с дурацкими фобиями, он будущий полководец, наделенный острым и недюжинным умом; мир распахнут перед ним, он пройдет по всем его дорогам как господин, сами боги позаботились об этом. Однако нечто неудобное упорно задевало сенсорику принца, сны его стали тревожнее, а пробуждения не озарялись безотчетной радостью, как прежде. Не сумев залечить невидимые зудящие раны, после нескольких почти бессонных ночей он решил на нелегкий для себя шаг. Подавляя бурлившие эмоции, однажды вечером он явился в кабинет своего брата, смешался, неловко поприветствовал его, тяжело опустился в кресло и устало улыбнулся.

– Ты удивлен, брат?

– Пожалуй... – улыбнулся в ответ Арри.

– Я думаю, с чего начать. У меня много на сердце, Арри, хочется все выплеснуть разом, но это не получится, поэтому рассказ мой будет сумбурным, наберись терпения, мне тяжело привести мысли в согласование.

Младший брат доброжелательно кивнул.

– Вероятно, начну с того, что я проходил по саду в тот вечер, когда ты сидел в беседке с философом, и я частично подслушал ваш разговор. Что мне теперь делать? Я, конечно, прошу прощения, мне неловко... и затруднительно объяснить свой поступок.

– Ах, Рей, ты мог не таиться, а подойти и остаться с нами.

– Я верю, что вы пригласили бы меня в свою компанию и задали бы несколько светских вопросов. Извини, но ваше радушие круто замешено на бездушии. Я остался в тени, слушал не все, уходил и возвращался, я не хотел мешать, я понимал, что для вас обоих эта встреча очень важна. Я стыдился своего поведения, но в голове складывалось смутное оправдание: мне казалось, что вторгнуться к вам невозможно в принципе, настолько все произносимое не имело ни к кому отношения. Вы были заняты лишь собой, посторонних как бы вообще не существовало, столь безразлично вам было все, что вне ваших интересов.

– Ну, в большой степени это действительно так, – сдержанно подтвердил Арри, – мы с учителем многое пережили вместе, и есть вещи, касающиеся только нас.

– Теперь слушай дальше. Я не знаю, что ты намеревался предпринять, чтобы навсегда оставить философа в резиденции. Я решил тебе помочь и взять заботу на себя, ведь в таких делах я разбираюсь лучше тебя, я умею улавливать настроения отца, а этот человек, извини, был не только твоим, но и моим учителем. Короче, я, используя удобное стечение обстоятельств, выпросил у отца для него пожизненно место архивариуса.

– Архивариуса?

– Ну, естественно, главного архивариуса. Не лазить же старому и почтенному человеку по лестницам за папками на верхних полках. Эта должность, как я выявил, предполагает достаток и минимум умственных и физических затрат. Конечно, он мог бы остаться и просто так, но ему не позволила бы гордость, а он уважаем тобой и в самом деле заслуживает хорошего отношения.

Арри легко встрепенулся.

– Ты удивил меня, Рей. С момента моего обещания я тщательно обдумывал эту проблему и уже начал склоняться к тому, что нужно обратиться к тебе за советом. И вот такая развязка! Ты сам пришел и уже все устроил, я тебе очень признателен.

– Не благодари, брат, – Рей закрыл глаза и через минуту, не открывая их, вымолвил, – поздно.

– Не понимаю.

– Я уже сказал, что мне трудно в моем состоянии излагать события связно. Полдня назад или около того философ умер.

У Арри дрогнули брови, но комментария не последовало.

– Он очень хотел видеть тебя, – продолжал Рей, – он был кроткий и какой-то... просветленный, что ли. «Я наконец освободился от Арри», – заявил он. Мы с ним общались примерно полчаса. Разумеется, я перед ним тоже извинился за подслушанную беседу. Он отреагировал так же как ты, то есть никак. Потом я доложил, что мы с тобой и отец хотим назначить его главой архива, что присутствие такого компетентного и авторитетного человека при дворе сделает нам честь, ну и так далее. «Вы очень милые мальчики», – ответил он. Потом он что-то говорил о своем пробуждении, я не понял, несколько раз упоминал тебя. В какой-то момент я заметил, что он устал, бледность чуть пожелтела, и, как бы сформулировать, некий налет образовался на лице. Даже я, не склонный к мистическим переживаниям, слегка затрепетал, почувствовал себя неуютно. «Вы отдохните, – сказал я ему, – а потом я вам пришлю брата». Он задумчиво кивнул, затем зорко оглядел меня с ног до головы, как будто впервые по-настоящему увидел, и опустил веки. Недавно слуги обнаружили, что он уснул навсегда.

– Отрадно, что он освободился от меня, – вздохнул преданный и вместе с тем преодолевший учителя ученик. – Вероятно, он хотел облучить меня своим преображением на пороге нового начала.

– Его предсмертный облик странно подействовал на меня, – мимика Рея слегка исказилась.

– Это хороший финал. После той нашей беседы меня снедала некоторая неудовлетворенность, оттого что я не сумел донести до него самого главного. В тот вечер я говорил вдохновенно, и порой мне сдавалось, что убедительно; отчасти это, видимо, так и было. Лишь потом я осознал, что многое осталось за рамками диалога. Но для него уже все свершилось. Я рад.

Арри светло улыбнулся. Рей еще больше погрузился.

– Поистине, дорогой, мне это не доступно. Ни всегдашняя твоя настроенность, ни твое поведение теперь. Чему ты улыбаешься? Ведь покойников принято оплакивать и в нашей стране, и, насколько я осведомлен, даже в варварских племенах. Плакальщицы уже приглашены. Разве не печально, когда умирает лучший, единственный друг, способный оказать тебе поддержку? Ты сам называл его учителем и благодарил, и вот при вести о его кончине заявляешь, что чему-то рад, и я совсем не вижу скорби на твоём лице.

– Что я могу изречь в этой связи? Ничего. Потому что я не мыслю такими категориями. А ты не мыслишь моими.

– Хорошо, что не мыслю твоими. Я пришел к тебе, Арри, в первую очередь поговорить о себе. Я не подвержен меланхолическим наплывам, но с недавних пор меня разъедает безотчетное, навязчивое уныние. У меня немало знакомцев, с которыми я провожу досуг, некоторых я считал друзьями. Но только теперь я всерьез задумался: кем для меня являются все эти люди? Ни одному из них я не могу доверить свою тревогу. И тут я вспомнил, что у меня есть брат... Но при этом я должен быть честным перед тобой, выслушай. Было время, когда на меня накатывали приступы слепой антипатии к тебе, потом эта неприязнь прошла окончательно, хотя чувство легкого нерасположения подчас возникало и быстро заглашалось безразличием. Меня много хвалили, и надеюсь, что заслуженно, но к тебе отношение было особое; считалось, что ты нечто вроде чуда природы, и тебе все прощалось. Давно как-то я нечаянно услышал,

как отец сказал советнику, что ему жаль, что не ты первенец, что именно тебя он хотел бы видеть наследником престола. Это тоже не способствовало моему благоволению к тебе. Позже я понял, судя по твоей апатичности, что, будь ты старшим, ты отказался бы от трона. Я прав?

– Безусловно.

– Потом, я тебя жутко ревновал к Лии. Я ее не забуду. Поверь мне, таких принцесс больше нет. Я знаю это, потому что, в отличие от тебя, контактирую со знатной молодежью других держав. И вообще, вся наша семейка – необычная, можно даже сказать, уникальная. Наша мать походила на Лию, она была талантливой скрипачкой и, насколько мне известно, неординарной личностью. Про себя ты сам все понимаешь. Мы с отцом умнее прочих королей и принцев, но все-таки мы с ним нормальные, здравомыслящие люди.

– И поэтому вы заварили спешную авантюру, и ты, я слышал, участвуешь в ней.

– Не участвую. Я выступаю во главе армии. Это мой первый поход. Я предугадываю твои возражения, но...

– Ах, брат, – перебил Арри, – почему столько лицемерия? Зачем все махинации нужно обязательно прикрывать именами богов? Почему бы каждой стороне не назвать вещи своими именами?

– Понятно, это вымысел, что Прадос поднялся на защиту своих богов, на них никто и не собирался покушаться. Но, по идее, все наши поступки неотделимы от воли богов. Это ты поклоняешься абстракции без обличья, а я чаще всего молюсь богине победы. Бог войны и богиня победы – это живые, действующие боги, и именно они царствуют на земле, а не твой бескровный, непостижимый Бог. Ты не можешь не видеть этого, Арри. Ты избегаешь резких и пряных запахов жизни, но она насыщена потом и кровью, и побеждает всегда прозорливый и смелый. Только борьбой движем прогресс. И во многом эволюция зависит от того, кто управляет динамикой: тщеславный тиран или умудренный венценосец, пекущийся о благе государства. Народ Прадоса благоденствует под мудрым руководством нашего отца. Что будет, когда полноты власти достигнет этот чванливый наместник с деспотическими замашками? Бедность и смута придут на смену нынешнему благополучию. Но сейчас люди опьянены пропагандой, и правый меч должен разрубить каверзные сети. Иногда война – единственный способ решения проблемы. И как ты себе представляешь так называемый мирный выход из ситуации? Допустим, мы позволим провинции отделиться. Я полагаю, что в ближайшем будущем ее попытается захватить одна из соседних держав и, без сомнения, достигнет успеха. Тебе все равно, ты ко всему безразличен. Но соображаешь ли ты, что если внедрить в действительность твои принципы, то они подорвут основу всякой государственности, сама жизнь развалится и твоему равнодушию тоже не будет уже нигде места.

– Я согласен, Рей. Твое последнее замечание нечем парировать. Мне никогда и не грезило внедрять в поток событийности мои принципы, они – для меня. Я вижу, что войны неустранимы и знаю, что значит борьба в развитии общества. Но в какую бы сторону ни двигалась эволюция, все ее заправилы и пешки неизменно оказываются в лодке Харона. В такой ситуации слава победителей – мнимость, они недолго торжествуют над побежденными, все одинаково подчинены повальному закону превращения дыхания в бездыханность. Мы сообща бесталанно проигрываем и будем проигрывать. До самого последнего поражения... Все вожди и полководцы – ослепленные заложники фортуны. Погоди, не возражай. Порой в своем деле они бывают очень дальновидными и хитроумными, но они не способны видеть иные закономерности бытия, и в конце концов их сминает противодействующая сила, и никто не достигал того, чего хотел.

«Со мной все будет по-другому», – подумал Рей, а вслух произнес:

– Нельзя смешивать победу с поражением, дружище, если ты хочешь иметь полноценное существование, а не укрыться от реальности в глухонемой крепости...

Рей прижал руку к груди, словно унимая судорогу.

– Я благодарен тебе, что ты не гонишь меня. Для меня твое толкование миропорядка не приемлемо, но почему оно занимает мой рассудок? Сначала я тебя недолюбливал, хотя и чувствовал при этом угрызения совести, потом размышлял, почему ты ни на кого не похож. И вот теперь оказалось, что в состоянии кручины мне не к кому пойти, только к тебе.

– Ну, ты же сам сказал, что мы необычная королевская семейка, – улыбнулся Арри, – и я рад, что душа у тебя иногда болит, значит, она есть.

– Должен отметить, твои утешения оригинальны.

– Нет, Рей, они вряд ли оригинальны. Я полагаю, что когда-нибудь, после головокружительных подъемов, после твоей самой потрясающей победы, ты испытаешь настоящую печаль. И тогда ты снова придешь ко мне, надеюсь... в Храм.

– А ты меня примешь?

– Обязательно.

– И ты простишь мне все предосудительные с твоей точки зрения поступки?

– Мне лично нечего тебе прощать. Сам я больше других нуждаюсь в прощении.

– И поэтому ты стремишься в обитель?

– Нет, – вздохнул Арри, – не поэтому.

– Для меня это значит похоронить себя заживо. Скажи, неужели тебя никогда не привлекала красота женщин?

Арри пожал плечами.

– Не в той степени, чтобы это могло хоть немного пошатнуть мои установки. Я не разделяю всеобщего восхищения телесной красотой, напротив, человеческое тело казалось мне неприятным – какой-то мешок с нечистотами, по выражению одного просветленного монаха. Когда я был маленьким, я стыдился своего тела, испытывал неловкость оттого, что нужно постоянно о нем заботиться; и мне было непонятно, как люди безо всякого стеснения говорят о предметах туалета, о несварении желудка, о выпадении волос. Я тогда считал, что мы все не должны упоминать ничего подобного даже в кругу близких. Теперь я воспринимаю физиологию без отвращения. Но и только. Никакого интереса она не возбуждает по-прежнему.

– Мне сложно выразить свое отношение к такой позиции. Мы разные люди, но какая-то воля во мне порывается защитить тебя, оказать поддержку. Ты грезишь о службе Верховному Богу. Я не знаю пока, в чем может заключаться моя помощь и понадобится ли она, но мне хочется что-нибудь сделать для тебя, потому что я сознаю, что вне Храма ты не выживешь.

– Я достаточно мужественный человек, несмотря на внешнюю вялость. Я ценю твое расположение и был бы рад, со своей стороны, оказаться тебе полезным. Но что я могу содейть, тебя уже увлекла твоя дорога, полная опасностей и героики. Уютный дом и насыщенный хлеб сами по себе кажутся скучными, они обретают вес только тогда, когда их заново приходится добывать кровью.

– Лично я свою стезю не представляю без свершений. Погрузиться лишь в рядовые заботы, пусть и государственные, – такое не по мне.

– Но это же наивно, брат, это обидно, наконец. Тебя совсем не удручает тот факт, что твой душевный комфорт зависит от комбинаций и градуса накала обстоятельств?

Рей улыбнулся.

– Трудно сообразить, что ты имеешь в виду. Нет, такие вещи меня не беспокоят. И могу добавить по этому поводу вот что: я бесконечно благодарен богам за то, что родился принцем нашей страны. Я путешествовал сам и слышал рассказы купцов, дипломатов и других людей, кто много где бывал. Сколько народностей и племен погружены во тьму! Некоторые эксцессы варварства меня просто шокируют. Я считаю, что наше государство должно внести туда свет и цивилизацию.

– Конечно, в этих повествованиях содержится доля правды, но не следует, я думаю, слишком доверять завоевателям, купцам и послам. Ведь они видят жизнь чужих обществ лишь сна-

ружи, и взгляд их становится тем более неверным, чем более свысока они смотрят. Воспримут ли там наш свет как свет? И достаточно ли у нас самих света?

Рей не отвечал, он внутренне сжался, обуздывая щемящие перекаты в груди.

– Арри, давай оставим глобальные свет и тьму. Я тебя очень прошу, отнесись серьезно к тому, что я поведаю. И постарайся, не рассуждай вообще, собери все свое внимание, погляди на вещи проще, хотя бы в течение нескольких минут. Мне впрямь не по себе.

– Я сделаю все возможное, Рей, – воскликнул Арри. – Что тебя так волнует?

– Если б я сам знал. В том-то и дело, что такие переживания для меня не характерны, но я уже сказал, что с некоторых пор ощущаю давление внутри. Это похоже на тоску, она глухая, не острая, но неотступная... какое-то предчувствие, что ли. Я, конечно, догадываюсь, что оно может быть связано с предстоящим походом. Все прорицатели и звездочеты согласно утверждают, что я вернусь с победой и в ореоле славы, я беседовал и со жрецами, ответ был в принципе тот же. Но тяжесть и угнетенность не исчезали, и я решился пойти в Храм Верховного Бога. Служитель заявил, что в Храме не гадают и не предсказывают будущее. Я попросил сделать для меня исключение, сообщив, кто я такой, а также о своей миссии в военной операции и о том, что не могу отделаться от уныния. Этот субъект был непоколебим: «Мы не предсказываем грядущие события, в городе достаточно волхвов и ворожей». Потом он минуты две вещал нечто невразумительное и напоследок изрек: «Вместо предсказания я вам напомню об общеизвестном: в смене явлений нередко наличествует фактор икс, который никогда не удастся вычислить, но который порой становится решающим моментом в ситуации». Я не возражал и спросил, можно ли мне помолиться Верховному Богу? «Можно», – разрешил служитель. Я попросил научить меня правильной молитве. «Правильных молитв не бывает...» – ответил тот. Ты только подумай! Это заявляет служитель Бога! Я по-настоящему растерялся. Он добавил: «Я не желаю вводить вас в заблуждение, никто не может знать, как следует взывать к боже-ству. Помолитесь так, как вы молитесь другим богам, или так, как вам подсказывает сердце». Я мысленно произнес гимн богине победы и покинул святилище.

Рей замолчал.

– Продолжай, – ободрил Арри.

– Непробиваемый служитель задел меня за живое. Ах, этот фактор икс! Он, действительно, иногда неожиданно вплетается в обстановку и решает исход сражений или поворачивает, казалось бы, несомненный ход событий в иную сторону. Мы знаем из истории примеры, когда положение дел коренным образом меняла сущая нелепица. Я все же считаю, что можно почти все спланировать, предусмотреть десяток запасных выходов и спастись в любых условиях, если адекватно и моментально реагировать. Как ты думаешь, возможно ли эффективно воздействовать на внезапность?.. Так вот, я подошел к самому главному и очень прошу: не резонерствуй о войнах в целом, скажи, есть ли у тебя какие-либо предчувствия относительно этого похода и относительно меня самого. Мне очень важно, что ты ощущаешь.

Арри задумался.

– Кажется, до меня дошло, чего ты от меня хочешь, – промолвил он через минуту, – я постараюсь войти в очерченный тобой круг связностей. Вначале надо выяснить, безошибочно ли я тебя понимаю. Предчувствие – это когда будущие события, плохие или хорошие, неявным образом воздействуют на нервы в настоящем, дают о себе знать. Так?

Рей подтвердил кивками и жадно внимал.

– Видишь ли, моя тоска в основе своей не зависит от внешних раздражителей, а такого рода предчувствий у меня почти не бывает... Теперь, как ты просил, я внимательно прислушался к себе, имея в виду твое скорое военное выступление. Внутри у меня тишина, брат. Никакой тревоги за тебя не появилось. Что касается подстерегающих опасностей и исхода сражения, то мне думается вот что: не нужно быть звездочетом, чтобы понимать, что против державных войск провинция устоять не в силах, вам придется покорять кучку бунтовщиков, неиз-

вестно чем вооруженных. Здесь я, пожалуй, согласен со всеми провидцами: скоро наша армия запишет на свой счет еще одну победу. А вот припугнувший тебя фактор икс... тут уж ничего не поделаешь, я твердо убежден, что его нельзя вычислить, многие называют это судьбой. Ну вот, я старался, как мог, прямо ответить на твои вопросы. Мне это удалось?

– Да, да! Мне важно было узнать, что ты не преошущаешь угрозы для меня лично. А судьба и ее таинственные проделки... Я не люблю загадки.

– Рей, у тебя явно не подходящее для боевой акции настроение, ты как будто чувствуешь, что подвергаешься риску или что-то теряешь. Не лучше ли тебе отказаться от этого предприятия и вместо наведения порядка в мятежном регионе разобраться в себе самом?

– Не буду кривить душой, Арри, не затем я пришел к тебе. Уже патетично раструбили во все стороны, что наследник престола возглавляет кампанию, и я делаю вид, что верю в это. Но фактически все приближенные короля знают, что со мной выступает заслуженный полководец и именно он реально командует отрядом, моя миссия – формальна. Пока я ничего не имею против, я неопытен и мне нужно учиться, я это понимаю. Но скажу честно: несмотря на то, что этот поход – очень удобный случай для начала карьеры, я бы с удовольствием от него отказался. Но уже поздно, везде объявлено... Знаешь, у меня иногда возникает странное чувство твоего превосходства. Твое хладнокровное своеволие – бесподобно, и чудится: тебе покорно то, что вовеки недоступно другим. Такое состояние могло бы вызвать добрую зависть, только вот непонятно, на чем оно зиждется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.